

Наталья Александрова

Возмездие
леди Гамлет

Наталья Николаевна Александрова

Возмездие леди Гамлет

Серия «Роковой артефакт»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69291436

Возмездие леди Гамлет:
ISBN 978-5-17-153706-7

Аннотация

Император Павел I в юные годы пережил дворцовый переворот и загадочную гибель собственного отца, свергнутого Петра III. Цесаревич долгие годы пытался отомстить за него и покарать виновных, но Екатерина II ограничивала наследника во власти и средствах. Поэтому, когда прусский король даровал Павлу ценную картину, тот нашел способ скрыть шедевр от ненужных глаз...

В наши дни богатая наследница Галина Басманова возвращается домой из Швейцарии и узнает, что ее отец оставил тайное завещание, которое в корне меняет жизнь девушки: вокруг нее начинают происходить загадочные исчезновения и убийства, странным образом объявляются давно забытые друзья, а за самой Галиной охотятся неизвестные злоумышленники. И теперь ей предстоит не только защитить собственную жизнь и наследие отца, но и разгадать тайну неприметной на первый взгляд картины...

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	66
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Наталья Александрова

Возмездие леди Гамлет

© Н. Александрова, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Глава первая

Тень отца

Поль проснулся посреди ночи от какого-то смутного беспокойства. Он приподнялся на кровати, широко открыв глаза. В углу спальни тускло горел огонек лампы, освещая иконы – Спас Нерукотворный, Иверская Божья Матерь и святой Павел, его небесный покровитель.

Лик Павла смотрел строго, гневно, словно святой был чем-то недоволен.

Прислушавшись, Поль расслышал в глубине дворца голоса, шаги многих людей. Там что-то происходило.

Нянька Прокофьевна проснулась, поднялась со своей лежанки, подошла, потрогала его лоб.

– Что вы, ваше высочество, не спится? – проговорила озабоченно. – Господь с вами, подремлите еще, ночь на дворе!

– Прокофьевна, что там? – спросил Поль, спуская ноги с кровати. – Кто там шумит?

– Да никого там нет, не бойтесь! – Нянька перекрестилась. – Кому там быть? Должно быть, приснилось вам что-то!

Поль, однако, прыгнул на пол, босиком, в длинной батиштовой рубашке подбежал к двери, выскользнул в соседнюю комнатку. Там ночевал дядька Тихон, старый унтер, служивший еще при государыне Анне Иоанновне. Тихон не спал, он

сидел на сундуке в расстегнутом мундире, прислушивался.

– Что там, Тихон? – спросил его Поль. – Кто там шумит?

И правда, теперь беспокойные голоса и шаги сделались слышнее.

– Гвардейцы буянят, – хмуро проговорил дядька.

– Гвардейцы? – удивленно переспросил Поль.

Он часто видел гвардейцев – во дворце, где они несли караул, на плацу, где они стояли стройными рядами, дружно поднимали ружья, салютуя папеньке. Они были такие нарядные, как на картинках в его любимой немецкой книжке, такие подтянутые, трудно было поверить, что они могут буянить, могут кричать дикими неправильными голосами, бегать по дворцу с громким топотом.

Вдруг дверь распахнулась, в комнату заглянул огромный человек в полурасстегнутом семеновском мундире, с широким страшным лицом и горящими кошачьими глазами. Он окинул комнату подозрительным взглядом.

– Нечего тебе тут смотреть! – проговорил дядька Тихон, поднимаясь навстречу незнакомцу. – Нечего тебе тут делать! Тут покои цесаревича, его высочества Павла Петровича!

– Ты не больно-то умничай! – Страшный человек сунул под нос дядьке огромный кулак, потом повернулся, взглянул на Поля, усмехнулся страшным, беззубым ртом:

– Ишь ты, Павел Петрович! Ну, живи пока!

Тут же он исчез, захлопнув за собой дверь, прогремели, удаляясь, тяжелые шаги.

– Кто это был? – прошептал Польш, когда прошел сковавший его страх.

– Гвардеец! – проговорил дядька, мелко крестясь на икону. – Спаси, Господи, и помилуй!

До утра Польш так и не заснул, пролежал в своей непомерно большой кровати, прислушиваясь к доносящимся из-за стены звукам. Святой Павел смотрел на него недовольно, словно осуждал его за что-то, да только не говорил, за что.

Утром прибежали мамки и няньки, принялись умывать и причесывать Поля, нарядили его как в праздник, однако на все его вопросы отвечали уклончиво и невнятно.

Нарядив, повели по коридорам дворца.

Во дворце все было не так, как обычно, – много незнакомых лиц, много суеты. На Поля смотрели с любопытством, как на редкого зверька. Наконец его привели в большой зал, где толпились незнакомые люди, много больших, шумных гвардейцев, похожих на того страшного человека, который приходил ночью. Среди всех этих людей Польш увидел лишь несколько знакомых придворных. Вдруг двери слева распахнулись, и вошла маменька – красивая, раскрасневшаяся, в пышном шуршащем платье серебряной парчи. Рядом с ней шагал очень высокий гвардеец, что-то тихо говорил ей в самое ухо.

Маменька подошла к Полю, наклонилась, поцеловала, обдав пряным запахом своих духов.

– Хорошо ли ты спал, мой мальчик? – проговорила она

своим красивым грудным голосом.

– Скверно, – честно ответил Польш. – А где папенька? Я хочу к папеньке!

– Что? – Маменька выпрямилась, взглянула на него недовольно. – К чему тебе папенька? Со мной тебе куда лучше!

– А я хочу к папеньке! – заупрямился Польш.

– Не говори глупостей! – Маменька оглядела людей, окружавших Польш, и зло бросила:

– Кто его подучил?

– Никто, государыня! – ответил за всех дядька Тихон, почтительно склонившись. – Никто, Христом Богом клянусь! Разве бы мы осмелились, государыня?

– Смотрите у меня! – Маменька сверкнула глазами, взяла Польш за руку и повела его к балконной двери. Польш попытался вырвать руку, ему не хотелось идти на балкон, но маменька держала так крепко, что стало больно.

Они вышли на балкон – и Польш на мгновение ослеп от того, что предстало его глазам.

Внизу, на большой площади, некуда было яблоку упасть. Там стояли мастеровые и уличные разносчики, крестьяне из ближних деревень и купцы-гостинодворцы, нищие побитуршки и чистые господа, но больше всего было гвардейцев в мундирах Семеновского, Измайловского и Преображенского полков.

При появлении их с маменькой площадь взорвалась криками.

Стоявший рядом с маменькой гвардеец шагнул вперед, картинно положил руку на пояс и выкрикнул могучим, глубоким голосом, слышным в самых отдаленных концах площади:

– Господа дворяне, купцы и простые люди! Люд православный! Государь Петр Федорович замыслил изменить русскому народу и святой православной церкви. Но Господь в милости своей того не допустил, государыня наша Екатерина Алексеевна божьим промыслом спаслась. Она обещает сохранить Святую Русь, сохранить нашу истинную православную веру. Правительствующий сенат и Священный синод уже присягнули государыне императрице Екатерине Алексеевне. Присягнули ей и гвардейские полки. Теперь, православные, ваш черед – коли хотите, чтобы государыня защитила Русь от иноземной заразы, присягните государыне императрице Екатерине Алексеевне! Поклянитесь служить ей верой и правдой!

– Клянемся! Клянемся! – слышались в разных концах площади отдельные крики, которые постепенно переросли в дружный единогласный гул.

– Многая лета государыне императрице Екатерине Алексеевне всея Руси!

– Многая лета! – рявкнули в тысячу глоток гвардейцы.

– Многая лета! – подхватила площадь.

– А где государь Петр Федорович? – донесся из толпы одинокий визгливый голос.

Но тут же вокруг смутьяна сомкнулись гвардейцы, и голос затих.

– Галина Леонидовна! – раздался в полутьме коридора едва слышный голос.

Галина вздрогнула, взгляделась в темноту.

В проеме двери стоял молодой охранник – тот самый, который был за рулем, когда они ехали из аэропорта.

– В чем дело? – спросила она с легким оттенком недовольства.

Охранник приложил палец к губам, отступил, как бы приглашая ее последовать за собой. Галина фыркнула – что за фамильярность? Она хотела было пройти мимо, но что-то в глазах парня зацепило ее, вызвало в душе тревогу, смутное, неосознанное беспокойство.

Она замешкалась на пороге, но все же решилась, вошла.

Это была одна из тех странных комнат, каких много было в этом безумном доме: круглая, ласточкиным гнездом нависающая над морем. В большие окна эркера ломился юго-западный ветер, швыряя в них клочья сырого балтийского тумана.

Судя по всему, охранники держали здесь запасное оборудование – какие-то приборы, мониторы, камеры.

– В чем дело? – сухо повторила Галина, лицом и голосом подчеркивая дистанцию.

Охранник плотно закрыл за ней дверь, включил свет, про-

говорил с оттенком смущения и беспокойства:

– Галина Леонидовна, я хотел вам кое-что показать...

– Почему именно мне? – спросила она недовольно. – Почему не вашему начальнику?

– Мне казалось, что вы должны это увидеть первой.

– Ну так показывайте! – процедила она нетерпеливо. – Что тут у вас?

– Я просматривал старые записи с камер наблюдения, разбирал, что нужно сохранить, а что удалить, и увидел вот это...

Он нажал какие-то кнопки, вспыхнул голубоватым огнем экран одного из мониторов.

Галина увидела тускло освещенный коридор – один из бесчисленных коридоров этого мрачного, неуютного дома. Сначала коридор был безлюден, затем в поле зрения камеры появилась человеческая фигура. Вглядевшись в нее, Галина узнала своего отца – его широкие плечи, чуть сутуловатую спину, львиную гриву волос. При виде отца Галина испытала знакомое уже щемящее чувство потери и одиночества.

Отец прошел по коридору, открыл дверь, на мгновение задержался на пороге и скрылся в своей комнате.

– И это все? – Галина в недоумении покосилась на охранника.

– Нет, постойте! Во-первых, обратите внимание на дату...

В углу экрана мелькали цифры – число, часы, минуты, даже секунды. Это был день – точнее, ночь смерти отца.

– Теперь смотрите! – Охранник показал на монитор.

Галина внимательно смотрела на экран – и то с трудом заметила, как из-за угла вытянулась рука, протянулась к выключателю. Свет в коридоре погас. Правда, чувствительная камера продолжала снимать при тусклом свете луны, льющемся в дальнее окно, но теперь можно было различить только смутную тень, которая появилась в коридоре и проскользнула в ту же дверь, за которой минуту назад скрылся отец.

Галина молча смотрела на экран, но там больше ничего не происходило, а потом экран погас.

– Что вы хотите сказать? – проговорила Галина, обернувшись к охраннику.

– Я не хочу делать выводы, – отозвался тот негромко. – Я только хотел, чтобы вы это увидели. Я многим обязан вашему отцу. В ночь, когда он умер, кто-то вошел в его комнату...

– Может быть, это мать...

– Вряд ли, – деликатно возразил охранник. – Мне кажется, это был мужчина. И то, что этот человек выключил свет в коридоре... это говорит о его недобрых намерениях.

– Можно еще раз просмотреть эту запись?

Охранник без слов поставил диск на повтор, и Галина еще раз проглядела ночную сцену.

Теперь она была более внимательна. Она пристально смотрела на отца – ведь это была его последняя ночь...

И на этот раз от ее внимания не ускользнуло то, что он

выглядел более усталым, чем когда бы то ни было, более старым. На этот раз он показался ей сломленным – чем? Ведь, насколько она знала его, он был по сути своей победителем, все ему в этой жизни удавалось, женщины любили его, мужчины уважали...

Отец скрылся за дверью.

Потом снова появилась рука незнакомца. Да, Галина была согласна с охранником – это была мужская рука.

Свет погас, и смутная тень скользнула к двери отца...

Движения ее были крадущимися, вороватыми. Этот человек явно замыслил что-то недоброе...

Запись закончилась. Галина повернулась к охраннику и спросила первое, что пришло ей в голову:

– А где следующая запись с этой камеры?

– Она исчезла. Я перебрал все диски за тот день, но больше ничего не нашел.

– Вот что... – Галина на мгновение задумалась. – Как вас зовут?

– Алексей.

– Вот что, Алексей... я должна как следует подумать над тем, что вы мне показали. Пока больше никому это не показывайте и никому об этом не говорите.

– Хорошо, я так и сделаю...

Охранник вынул из проигрывателя диск, положил его в ящик стола, запер на ключ. Потом внимательно посмотрел на Галину и повторил:

– Я очень многим обязан вашему отцу... и если вам понадобится помощь – помните, что вы всегда можете на меня рассчитывать.

– Хорошо, я это поняла. И еще раз повторяю – никому это не показывайте и никому не говорите.

Она вышла из комнаты, но вместо того, чтобы вернуться к себе, поднялась по лестнице и вышла на открытую террасу.

Снаружи было очень холодно. Резкий осенний ветер дул порывами, швыряя в лицо то ли брызги волн, долетающие на такую высоту, то ли капли дождя. Море ревело далеко внизу, как дикий зверь.

Галина обхватила себя руками, чтобы согреться, но не спешила уходить в тепло. Ей казалось, что холод и ветер осенней ночи помогут справиться с тоской и бессилием последних двух месяцев, помогут найти во всем этом смысл.

Она снова и снова прокручивала перед своим внутренним взором запись со злополучного диска.

Глаза постепенно привыкли к ночной тьме. Она разглядела мрачную пустыню моря. Где-то вдали тускло мерцал зеленый огонек маяка. Над бушующим морем метались обрывки туч, изодранные и темные, как лохмотья старого бомжа. Выше, в неровных разрывах облаков, изредка мерцала холодная звезда. Несущиеся над морем тучи принимали самые фантастические обличья, одна из них показалась Галине похожей на величественную голову отца...

Казалось, отец смотрит на нее с ночного неба, смотрит

пристально, грозно, казалось, он чего-то ждет от нее...

В памяти всплыли давно забытые слова: «Прощай, прощай и помни обо мне...»

Вдруг из темноты возникла человеческая фигура с неясным пятном лица. Галина вскрикнула и попятилась: ей показалось, что это – тот же человек, который той роковой ночью проник в комнату отца.

– Галина Леонидовна, это вы? – раздался озабоченный голос, и она узнала охранника – не Алексея, другого, постарше. – Галина Леонидовна! – повторил охранник. – Что вы здесь делаете?

– Дышу воздухом! – огрызнулась она. – Я что – нахожусь под домашним арестом? Я не могу выйти на улицу? Мне нужно для этого чье-то письменное разрешение?

– Что вы. – Охранник смутился. – Просто будьте осторожны, погода ужасная. Может быть, вы уйдете внутрь?

– Да, конечно, – проговорила она недовольно и вернулась в дом.

В ее комнате было холодно. Галина включила отопление, легла, завернувшись в одеяло, но никак не могла согреться. Хорошо бы выпить горячего чая. Она вспомнила вдруг, как они с отцом ночью тайком пробирались на кухню, и отец сам заваривал крепкий и очень сладкий чай с лимоном и добавлял в него коньяку – себе побольше, а дочке всего капельку. А потом им обоим вдруг жутко хотелось есть, и они опустошали холодильник. Анфиса, кухарка, знала про их ноч-

ной жор, но ничего не говорила, а только оставляла для них в укромном месте блюдо с бутербродами и домашними пирожками. Мама тоже знала и ругала их полуночниками.

Кажется, что это было только вчера, а на самом деле бесконечно давно. Она уехала учиться, ее не было два года, недолгие приезды домой не в счет.

Нельзя сказать, что она сильно скучала. В Швейцарии у нее была своя жизнь – учеба, друзья, Митя... Тогда она думала, что жизнь эта замечательная и ее вполне устраивает, тем более что отец сам послал ее учиться.

Так или иначе, все кончилось два месяца назад, когда отец неожиданно умер во сне от сердечного приступа. Легкая смерть, говорили врачи, он ничего не почувствовал. Что же вы хотите? Он очень много работал, возраст опасный, пятьдесят восемь лет, многие и до него не доживают... Банкиры в группе риска...

Галина села на кровати, обхватив себя руками. Как всегда, при этих воспоминаниях заболело сердце. Первый раз она почувствовала подобное, как только узнала о смерти отца. Было такое ощущение, что кто-то костлявой сильной рукой схватил сердце и сжал. Она не могла дышать. Потом чуть отпустило, со временем стало легче. И теперь накатывало только от воспоминаний.

Она дышала неглубоко и постаралась успокоиться. Ей о многом нужно подумать, во многом разобраться. Подумать только, ведь она прилетела из Женевы только сегодня. Ах

нет, уже вчера...

– Линка! – Мама махала рукой и смеялась. – Да вот же мы!

Галина оглянулась и не сумела скрыть удивления, она не смогла узнать собственную мать. Мама удивительно помолодела и похорошела. Она и раньше, до смерти отца, выглядела отлично, упорно и целеустремленно занимаясь своей внешностью и здоровьем, словно надеялась победить само время. Однако Галина помнила ее подурневшую от горя, с трясущимися губами, с мешками под глазами. Лицо ее казалось мертвенно-бледным на фоне черной вдовьей одежды. А ведь раньше маме так шло черное...

Все это было на похоронах отца.

И вот, прошло всего два месяца, а мама выглядит отлично. Причем сразу ясно, что это не результат вмешательства пластических хирургов и косметологов. Мама просто светится и полна энергии. Глаза ее сияют. И, похоже, вовсе не от радости видеть дочь.

Галина подошла ближе и попала в мамины объятия.

– Дорогая, я соскучилась! – бормотала мама. – Молодец, что приехала, что там тебе в этой Швейцарии, почаще надо дома бывать. Здесь тебе всегда рады...

Галина уткнулась маме в плечо, чтобы спрятать лицо – мама еще не знает, что она приехала насовсем, что больше она в Швейцарию не вернется. Но об этом после.

– Дай же на тебя посмотреть! – Мама отстранилась и заvertела ее, затормошила. – Ой, похудела чуть не вполовину,

щеки ввалились, глаза так смотрят серьезно... Нужно тебе откормиться, отдохнуть, привести себя в порядок...

– Домой хочу, – вздохнула Галина, – как сейчас хорошо, наверно, дома...

Свежий ветер дует с моря, принося соленые брызги, можно спуститься по крутой дорожке прямо к воде и наблюдать. Или смотреть на море с балкона и считать, как в детстве, волны – первая, вторая... а вот и девятый вал, и, когда он действительно получался выше, чем остальные, маленькая Галя радовалась и хлопала в ладоши, и отец смеялся тоже, глядя на ее радость.

Галина вздрогнула, когда она вспомнила отца, привычно заныло сердце. Как же ей его не хватает!

– А мы уж думали, что не успеем тебя встретить! – Мама ничего не заметила. – Такие пробки всюду!

А Галина наконец осознала, кого она имеет в виду, когда говорит «мы».

Рядом с мамой стоял Сергей Михайлович Груздев, управляющий банком отца. Галина не очень хорошо его знала, потому что работал он у отца года три, а она все это время училась в Швейцарии, в Высшей финансовой школе.

Отец хотел, чтобы она получила первоклассное образование, в первую очередь хорошо изучила финансы, чтобы потом, говорил он, когда дело перейдет к ней, она вела его твердой рукой. Галина тогда отмахивалась и закрывала ему рот ладонью.

«Папочка, я никогда не поверю, что ты способен отойти от дел, ты же трудоголик, ты не сможешь жить без работы!»

На что отец однажды посмотрел очень серьезно и хотел было что-то сказать, но передумал. Как сейчас понимает Галина, он думал о неприятном, о самом неприятном, как чувствовал, что скоро умрет. Ох, папа, папа, ну как же ты так...

Вроде бы отец был новым управляющим доволен, толковый, говорил, человек, хороший управляющий, квалифицированный и ответственный, можно на него дела оставить, отдохнуть поехать или в командировку. Мама радовалась, что отец с ней больше времени проводить стал, а то, говорила, Линка уехала, так в этом большом доме одной хоть волком вой.

Отец назвал единственную дочку Галиной в честь своей матери. Маме это имя не нравилось, хоть со свекровью своей она не сталкивалась – та умерла раньше их свадьбы. Отец всего добивался самостоятельно, никто ему не помогал.

Отец звал ее Галкой, а мама – Линой.

– Линка, ты что, не узнала Сергея Михайловича? – Мама с улыбкой повернулась к управляющему.

– Узнала, конечно. – Галина посмотрела на мать и улыбнулась. – Здравствуйте.

– Рад вас видеть, Галина... Леонидовна.

– Да вы что? – начала было мама со смехом, но тут же осеклась. – Да пойдете же скорее, там, наверно, багаж уже привезли!

Смотря им вслед, Галина невольно отметила, что идут они слишком близко друг к другу, так что касаются изредка то плечом, то рукой, заметила и легкую заминку управляющего перед тем, как он назвал ее отчество, и смех мамы – хотела она предложить, чтобы он звал дочку просто по имени, да вовремя опомнилась, а скорее всего, он ей какой-то знак незаметный подал.

И вообще, с чего это он притащился ее встречать? Мама вполне могла приехать с водителем, а у него что – дел, что ли, мало? Отец, помнится, с утра до вечера трудился – то у него летучка, то начальников отделов принимает, то в Комитете по финансам заседание, то в мэрии деловые переговоры, то секретарю письма диктует. Даже в машине он обычно бумаги просматривал или новости деловые слушал. А этот, вишь, встречать ее явился. Хотя его и не просили.

Галине очень не понравился такой расклад – что-то слишком много этот Сергей Михайлович на себя берет, это не входит в его обязанности. Мама писала, что он очень поддержал ее после смерти отца и, вообще, управляющий отличный, все дела взял на себя, можно совершенно о них не беспокоиться.

Но все же Галине очень не понравился мамин слишком счастливый, сияющий вид. И одета она как-то легкомысленно, по-молодому – брючки узенькие, курточка стильная, коротенькая. Всего два месяца прошло со смерти отца.

Галина опомнилась, осознав, что рассуждает как старуха – что люди скажут и все такое прочее. Но все же... сколь-

ко матери лет... так, ей самой двадцать четыре, а маме, значит, сорок семь. Выглядит она, конечно, на сорок, а может, и меньше. А этому Сергею Михайловичу, надо думать, года сорок два, самое большее сорок три.

Интересный мужчина – среднего роста, мускулистый, загорелый, ни намека на брюшко. Лицо, в общем, тоже ничего себе, немного портит его слишком поднятая левая бровь, как будто он глядит на тебя с недоверием или сомнением, но это не всегда заметно, только когда смотришь ему в лицо. А так свежий, подтянутый, костюм сидит отлично. В зал, наверно, ходит, в бассейне плавает, за собой следит, в общем.

Не зная человека, нечего на него напраслину возводить. Но все же... если бы не мамин слишком счастливый вид, Галина бы ничего и не подумала.

«Неладно что-то в датском королевстве!» – говорил, бывало, в таких случаях отец.

Что ж, она с этим разберется со временем.

– Ты идешь? – обернулась мама. – Давай быстрее!

«Куда торопиться-то, – ворчливо подумала Галина, – что у вас, пожар, что ли...»

Торопиться маме было некуда, похоже, она все теперь делала быстро – не шла, а бежала, не показывала рукой, а тыкала пальцем, не вставала с места, а легко вскакивала, не смеялась, а хохотала. Не давил на нее огромный пласт горя, не тянуло ее книзу, не опускались плечи, как у нее, Галины.

Увидела себя как-то в зеркале в ресторане еще в Женеве –

взгляд потухший, спина сутулая... Надо было срочно брать себя в руки, отца не вернешь... Похоже, мама поняла это раньше ее. Но все же всего два месяца прошло. Как это там у классика – «башмаков еще не износила...» и так далее.

Водитель был новый, раньше она его не видела. Довольно молодой человек с несколько мрачноватым выражением лица. Он уложил ее чемоданы в багажник и за всю дорогу не сказал ни слова. Сергей Михайлович сел спереди и тоже молчал, зато мама болтала за двоих.

Она задавала дочке вопросы о ее жизни в Женеве и тут же задавала новые, не слушая ответов. Она рассказывала о нововведениях в доме и тут же перескакивала на открытие нового СПА-салона или нового бутика или же начинала обсуждать знакомых.

Галина слушала вполуха, она думала о своем, в частности о том, что мама ни разу не упомянула в разговоре об отце.

– Тебе не интересно? – вдруг спросила мама каким-то не своим, жалобным голосом. – Ты не слушаешь?

Если бы они были одни, Галина сказала бы все честно – и про мамин сияющий вид, и про громкий смех без видимой причины, и про то, что слишком близко она допустила этого Сергея Михайловича. Но, глядя в его спину, Галина пробормотала только, что устала от полета и ухо одно заложило.

Мама обиженно замолчала.

Так проехали они город, и тут мама огляделась удивленно и спросила, куда они едут.

– Завезете меня в банк, – ответил Сергей Михайлович сухо, – потом поедете к себе.

– Как, разве вы не... – начала мама и замолчала, наткнувшись на его колючий взгляд.

Галина в это время делала вид, что дремлет, и наблюдала за ними из-под ресниц. Мама смотрела разочарованно и даже сложила руки в умоляющем жесте. На что Сергей Михайлович плотно сомкнул узкие губы и даже отрицательно качнул головой. И ушел, простившись подчеркнуто холодно, бросив через плечо, что позвонит, когда нужно будет подписать документы.

Мама вздохнула, настроение ее падало на глазах. Галина представила, что кто-то посмел бы так же вести себя с ее отцом, и очень удивилась. Мама всегда умела обращаться с персоналом, что же случилось? Неужели она с этим...

Не может быть, прошло всего два месяца со смерти отца! Они всегда были счастливой парой, это все признавали, и мать так убивалась на похоронах.

– Ты очень невежливо разговаривала с Сергеем Михайловичем, – после некоторого молчания произнесла мать.

– Да я с ним вообще не разговаривала! – удивилась Галина.

– Вот именно, – мама потихоньку повышала голос, – ты вела себя недопустимо! Человек бросил все дела и приехал тебя встретить, могла бы быть полюбезнее!

– Это не входит в его обязанности, – начала было Галина и

осеклась, увидев, с какой злобой поглядела на нее мать. – То есть я, конечно, очень тронута, но вполне обошлась бы, если бы ты встретила меня одна. Или просто водителя прислали бы.

– Ты невозможна! – Возмущению матери не было предела. – Имей в виду, Сергей Михайлович очень меня поддержал, когда я осталась одна! Если бы не он, я не знаю, что бы со мной было. Кроме того, он прекрасный управляющий, таких поискать, за ним мы как за каменной стеной! Он взял на себя все!

– Это его работа. – Галина пожала плечами.

– Ну да, скажи еще, что за это он получает свою зарплату!

– И немалую.

– Это вы там, в Швейцарии, все меряете деньгами! – В голосе матери появились незнакомые визгливые нотки.

Галина посмотрела в каменную спину водителя, дернула маму за рукав и сделала грозное выражение лица. Не хватало еще ругаться при нем! Мать неохотно замолчала.

Галина с тоской уставилась в окно.

Господи, что случилось с ее тактичной и выдержанной мамой? Не она ли учила свою подрастающую дочь, как правильно себя вести с обслуживающим персоналом? С низшим – ровный приветливый тон, приказы отдавать спокойно, не забыть поблагодарить. С высшим – показывать уважение, улыбаться сдержанно, изредка интересоваться семьей. Но нечасто.

И никогда, ни при каких обстоятельствах не выяснять отношений при персонале! Никаких личных подробностей, чтобы потом это обсуждалось вслух!

Надо сказать, мама сама неукоснительно соблюдала эти правила, они с отцом никогда не ругались при водителях и горничных. Да что там, они вообще никогда не ссорились, мама всегда умела сгладить острые углы. И куда это все делось?

– Я-то думала, что мы проведем твои каникулы на славу! – вздохнула мама. – Будем всюду ходить вместе, мне тоже пора встряхнуться. Готова две недели гулять даже по ночам!

Галина, сама того не желая, закашлялась.

– Дело в том... – начала она, и тут водитель резко затормозил, так что она едва не ткнулась головой в переднее сиденье.

– Да что такое?

– Авария впереди, три машины столкнулись, – ответил он.

Мама переключилась на аварию, и Галина не успела сказать ей, что приехала насовсем, что она не будет продолжать учебу, поскольку жить в Швейцарии ей больше не нужно. Скучно ей там, скучно и одиноко. Надоело все – развлекаться, общаться с приятелями. Учиться тоже надоело. Надоел Митька. Она ему, кажется, тоже надоела, во всяком случае, он очень спокойно воспринял их разрыв. Точнее, совсем не воспринял, в последнее время они виделись все реже и реже, потом она просто улетела, никому ничего не сказав.

Два года, которые Галина провела в Швейцарии, слились в ее памяти в один бесконечный день – или в одну бесконечную ночь, ночь, полную скорости, блеска, мелькающих огней.

Ее – наследницу огромного состояния – сразу же приняли в замкнутый кружок богатой русской молодежи. У них было все: дорогие машины, скоростные катера и яхты, одежда от знаменитых дизайнеров и деньги, деньги, деньги...

Безумные ночные гонки на «Феррари» и «Ламборджини» по идеальным швейцарским шоссе, безумные вечеринки на яхтах, плывущих по Женевскому озеру, реки самого дорогого шампанского... им ничего не стоило сорваться посреди дня, чтобы отправиться на вечеринку в Монако, на показ мод в Сен-Тропе.

Как-то Галина с приятелем (еще не Митей, другим) отправилась в Сан-Марино. Они стояли ночью на вершине горы Монте Титано, внизу, под ногами, сияли бесчисленные огни, словно россыпь бриллиантов на черном сукне ювелира.

– Мне кажется, мы что-то делаем неправильно... – проговорила Галина, задумчиво разглядывая эти огни. – То есть... то есть мы ничего не делаем, мы только впустую тратим свою жизнь – свою, между прочим, единственную жизнь!

– Ты что, Линка! – перебил ее приятель. – Что ты несешь? Что мы, по-твоему, должны делать? Весь мир и так у наших ног! Посмотри вниз – видишь эти огни? Они принадлежат нам! Под нами лежит вся эта чертова Европа! Мы молодые,

красивые, богатые... что нам еще нужно? Все завидуют нам! Все хотели бы жить как мы – но куда им! Надо жить – и радоваться тому, что нам все доступно! Молодость пройдет, и нужно, чтобы было что вспомнить! Нужно все испытать, все попробовать, чтобы не жалеть потом об упущенном! Да что это с тобой сегодня?

– И правда, – она засмеялась, – что это со мной, шампанского перепила, наверно...

И снова замелькали бесконечные сногшибательные вечеринки, безумные ночные гонки. Она помнит одну такую ночь.

Они мчались в новеньком красном «Феррари» через тихий ночной городок. Свет фар вырвал из темноты какого-то бургера, который выгуливал свою бургерскую собачку. Га-лина разглядела его лицо, на нем было выражение неприязни и раздражения.

На какое-то мгновение в ее душе снова возникло сомнение: правильно ли она живет? Может быть, это и не жизнь вовсе, а только призрак жизни, блестящий и шумный призрак, а настоящей жизнью живет вот этот бургер, весь день проводящий в своей конторе, а поздно вечером выгуливающий собачку?

Но тут же она разглядела под слоем неприязни на лице бургера глубоко упрятанную зависть и подумала, что приятель, несомненно, прав, что жизнь прекрасна, а если их кто-то не одобряет – то это исключительно от зависти.

Как-то в небольшом городке на берегу Женевского озера их машину остановил полицейский патруль. Их привезли в участок, составили протокол – превышение скорости, нарушение общественного порядка. Сперва ее приятель хорошо хорился, задира л нос, кричал на полицейских, но они воспринимали его истерику совершенно спокойно и пригрозили поместить буйного русского в «обезьянник», с бродягами и проститутками.

И тут Галин приятель сломался. Его как будто подменили. Он унижался перед полицейскими, умолял отпустить его, обещал большие деньги. Его губы тряслись, глаза стали жалкими и испуганными, как у побитой собаки.

Гале стало противно.

Скоро, правда, приехал адвокат, вытащил их, и приятель снова ожил, на его лицо вернулось привычное выражение самодовольства. Но Галя больше не хотела его видеть. У нее перед глазами снова и снова вставало его жалкое, перепуганное лицо, трясущиеся губы.

Митька был не такой. В этой компании он держался наособицу. Или это Галине так казалось тогда.

Он был сыном человека, чья фамилия часто мелькала в СМИ, но Митька никогда не упоминал про него. Отец его был женат вторым браком и жил в Москве, Митька же с тринадцати лет учился в Европе. С виду он ничем не отличался от мальчиков-мажоров – такой же красивый, мускулистый, спортивный. Однако довольно часто мелькало в его глазах

выражение легкой насмешки, как будто знал он, что все, что они делают, это ненастоящее, детские игрушки.

Он мало рассказывал о себе, Галина знала только, что он профессионально занимается яхтенным спортом. Иногда он исчезал из их компании ненадолго, и девчонки делали большие глаза и сплетничали, что у него роман с замужней дамой из самого-самого высшего общества, потому и нужно держать это в большой тайне, в противном случае будет международный скандал.

Как выяснилось впоследствии, Митька просто ездил навещать мать, которая тяжело болела и жила в маленьком, очень дорогом санатории в крошечном городке под Брюсселем. Он сам рассказал Галине об этом, когда они стали парой. И это склонило чашу весов в его пользу.

Вот чего не понимала она в своих друзьях – так это их отношений с родителями. Она, любимая папина дочка, очень любила семью. С мамой у них были хорошие, теплые отношения, но с отцом их связывало что-то такое...

«Мы с тобой одной крови...» – говорил он, и Галина знала, что он не шутит. Она уехала в Швейцарию по настоянию отца и сильно скучала по дому, по редким семейным ужинам, по воскресным прогулкам с отцом вдоль берега моря, по их откровенным беседам.

Она молчала про это, потому что не нашла бы понимания у своих новых друзей.

Все они относились к родителям либо равнодушно, либо

с легким презрением и вспоминали о них, только если требовалось срочно получить дополнительную сумму денег, не оговоренную ранее. Родители также оплачивали их содержание и предпочитали поменьше общаться со своими отпрысками.

Митька ей нравился своим немного насмешливым отношением к окружающим, своей смелостью и отнюдь не безрассудством. Кто-то рассказывал, как яхта, которой он управлял, потерпела аварию в Адриатике и Митька плыл всю ночь один на спасательном плоту до тех пор, пока ему не встретился круизный лайнер.

Однажды на горной дороге в Альпах они увидели разбившуюся машину. Именно она обогнала их буквально двадцать минут назад. И вот теперь дорожное ограждение было сломано, и машина лежала внизу под обрывом. И дымилась. Митька велел Галине звонить в полицию, а сам полез вниз.

– Не надо! – Галина схватила его за руки, пытаясь удержать. – Она же взорвется!

Он ответил таким взглядом, что ей стало страшно. Глаза казались черными от увеличившихся зрачков. Он отвел ее руки и ловко начал спускаться.

До разбитой машины было метров пятьдесят, и Митя преодолел их довольно быстро, он был сильный и гибкий и прекрасно владел своим телом. Галина наблюдала за ним с замиранием сердца.

Он подергал дверцы: похоже, их заклинило, тогда он вы-

бил камнем лобовое стекло и с трудом вытащил пассажира, что сидел рядом с водителем. Это была женщина, она слабо шевелилась и стонала. Митька положил ее в стороне на сухую траву, а сам вернулся к машине. И тогда она вспыхнула.

– Не ходи, – закричала Галина, – не ходи, не ходи, не ходи!

Но он влез в машину, Галине показалось, что он копался там ужасно долго, целую вечность, хотя на самом деле наверняка не прошло и минуты. Наконец, пятясь, он вылез, таща за собой окровавленное тело водителя. И едва успел оттащить его на несколько метров, как грянул взрыв.

Галина страшно закричала и упала бы вниз, если бы ее не подхватили сильные руки подъехавших полицейских. Через некоторое время Митька самостоятельно вылез наверх. Водитель был жив, но в тяжелом состоянии, женщина отделалась легкими ушибами. Галя повисла у Мити на шее, всхлипывая и смеясь:

– Живой, ты живой! Ты их спас!

Он похлопал ее по плечу и мягко разнял руки:

– Поехали! Нам тут нечего больше делать.

Снова она восхитилась – какой он скромный, не жаждет ни славы, ни благодарности. Вспомнилось отчего-то совсем не к месту стихотворение Маршака, что читала мама в детстве. «Рассказ о неизвестном герое». К чему это?

Им было хорошо вдвоем, несомненно, он Галю отличал от других. Во всяком случае, никогда не смотрел на нее с той

легкой насмешкой, с какой глядел на других.

Не всегда, изредка.

И вот, когда она вернулась в Женеву после похорон отца, все изменилось. Вначале она была в таком состоянии, что не хотела обсуждать свое горе ни с кем. Откровенно говоря, никто из приятелей особенно и не интересовался.

Митьки тогда не было, он уехал куда-то прыгать с парашютом с высокой горы. Рассказывали, что он и его друзья попали в сильный ветер, двоих унесло в море, Митька же сумел выправиться и приземлился, хоть и в безлюдной местности.

При встрече Митька спросил только, как она, она ответила, что нормально, и все, больше они ни о чем не говорили.

Просыпаясь ночью, Галя плакала и однажды поймала себя на мысли, что рада, что сейчас нет с ней рядом Мити. Не хотелось показывать ему свою слабость, он бы не понял. Вот именно, осознала она, Митька – не тот человек, на груди которого можно выплакаться, не станет он утешать, посчитает это слабостью.

С тех пор она начала смотреть на него совершенно другими глазами. И поняла наконец, что его смелость вовсе не смелость, а равнодушие, холодное безразличие, что его сдержанность идет от того, что больше всего он интересуется своей особой. Любовь к экстремальному спорту, тягу к опасности он испытывает потому, что каждый раз хочет проверить себя на прочность, сможет ли он рискнуть, не струсит ли, не

отступит ли в последний момент.

Их друзья устраивают гонки, курят травку, нюхают кокаин, а Митька поддерживает себя, испытывая опасность. И он полез к сорвавшейся с обрыва машине вовсе не потому, что хотел спасти тех двоих. Он хотел опять-таки проверить себя, подергать, образно говоря, смерть за усы. А на людей ему было глубоко плевать, вот так.

Такие мысли одолевали Галину все два месяца, они стали видеться с Митей все реже и реже, а потом она улетела домой, даже не попрощавшись с ним.

А все было у них так хорошо...

И если бы не открылось у нее после смерти отца совершенно новое зрение и наблюдательность, такой третий глаз, что ли, позволяющий разглядеть сущность другого человека, то они могли бы и дальше быть вместе. Но сейчас Галина видела, что у Митьки, в общем, нет никаких перспектив.

Ну будет он и дальше пробовать себя в различных опасных ситуациях и видах спорта, чем дальше, тем сложнее. Рано или поздно ему наскучит и это, или, не дай бог, разобьется, не все же безнаказанно искушать судьбу.

Уже в самолете, думая об этом, Галина удивилась – до чего разумно, логично она рассуждает. Никогда раньше она не задумывалась всерьез о будущем. Неужели и правда в ней осталась частичка отца, которая яснее проступила после его смерти?

«Мы с тобой одной крови...» – говорил он серьезно, и

только теперь она поняла, что это значит.

– Приехали! – Мама тронула ее за руку. – А ты всю дорогу проспала!

И верно, они свернули уже на дорогу к дому.

Дом находился в поселке Жуково, что в курортной зоне возле Финского залива. Поселок этот был старый, еще финны на этом месте когда-то жили, называли этот берег финской Ривьерой. А потом, когда Карельский перешеек стал нашей территорией, так уж повелось, что селились в Жуково в основном академики, видные ученые и люди искусства. Причем не абы какие, а заслуженные.

Дачи разрешали строить им огромные, во всяком случае по тем временам, многие и зимой там жили. А потом обитатели поселка очень следили, чтобы не появилось в нем посторонних. Наследники исхитрились как-то продавать обветшалые дома на огромных участках, но все это было неофициально. Вокруг поселка рос дивный сосновый лес, некоторые дома выходили прямо к заливу.

Их дом был самый крайний, на самом берегу залива. Его выстроили относительно недавно. Один режиссер, очень известный, но с большими странностями, нашел такого же сумасшедшего архитектора и выстроил дом, напоминающий сказочный замок. Причем сказка была явно не для маленьких детей.

У режиссера изменились обстоятельства – не то жена его бросила, не то отобрали театр, так или иначе, он уехал рабо-

тать в Европу, кажется во Францию. Дом выставили на продажу, и лет десять или двенадцать назад его купил Галин отец. Мама была против, она говорила, что дом навевает на нее тоску, но потом увлеклась садом и интерьером, кое-что переделала и осталась довольна.

Отец выбрал этот дом, потому что он был не похож на все остальные. Архитектор был, несомненно, талантливым человеком, хоть и со странностями. Дом удивительно хорошо вписывался в окружающий ландшафт. Он стоял на обрыве, так что с террасы было видно море. Вниз вела очень крутая тропинка, которая вилась между огромных валунов. Пляжа не было, волны с грохотом разбивались о камни. Купаться в Финском заливе мало кому приходит в голову.

С трех сторон участок был огорожен забором, сложенным опять-таки из камней, из обкатанных древним ледником валунов. Ворота на двух каменных столбах, увенчанных фигурными навершиями, открывались автоматически.

Камера над воротами повернулась, и машина въехала во двор. Галина вышла, не дожидаясь, когда водитель откроет дверцу, ей хотелось размять ноги и вдохнуть свежий осенний воздух. Она огляделась и не узнала ничего. К дому от ворот вела широкая аллея, усаженная кленами. Листья опали и закрывали дорожку, чего раньше никогда не водилось, садовник за этим внимательно следил. Перед домом был цветник, который давно пора было приготовить к зиме – обстричь увядшие растения, прополоть, укутать от внезапных холо-

дов.

Галина потому знала все так подробно, что мама очень увлекалась садом и без конца об этом говорила. Был в доме сторож, он же садовник, отец, бывало, в шутку сердился, что мама проводит с ним больше времени, чем с мужем.

Сейчас цветник производил удручающее впечатление. Слева за домом был старый фруктовый сад, и даже издали видно было, что он безобразно зарос.

Пока мама выбиралась из машины и выговаривала за что-то водителю, Галина сделала несколько шагов, чтобы рассмотреть мамину гордость – японский садик. Тот тоже ничем не порадовал: крошечный прудик завалило палой листвой, багряный клен поник, низкую скамейку давно пора было подкрасить.

Галина глубоко вздохнула и не ощутила свежести. Раньше в это время воздух был вкусным, душистым, пахло яблоками и морем. И еще дымком, потому что садовник жег палые листья на лужайке за домом. Теперь же воздух явственно отдавал гнилой рыбой. Водорослей, что ли, много намыли волны...

И еще одна странность. На участке было удивительно тихо, не слышно собаки, а ведь раньше сторожевой пес встречал всех прибывших густым басовитым лаем.

– А где Буран? – спросила Галина.

Мама сделала вид, что не услышала ее вопроса, и быстро прошла в дом.

– Его пришлось усыпить, – ответил охранник, появившийся на крыльце. – Очень был после смерти хозяина, никому спать не давал. А потом вообще взбесился, на людей стал бросаться...

Ах, вот в чем дело. Теперь Галина поняла, отчего таким чужим, неухоженным выглядит сад. Садовник Иван, одинокий, молчаливый мужчина средних лет, очень любил собаку. Буран платил ему такой же искренней привязанностью. Иван выгуливал его, вычесывал и кормил. Ясно, что после того, как собаку усыпили, он не смог больше оставаться в этом доме.

Водитель внес ее чемоданы в холл и удалился молча. Галина огляделась и не почувствовала себя дома. Какое-то чужое все, как будто не домой она приехала, а в дорогой отель.

Незнакомая горничная расплылась фальшивой улыбкой: – С приездом, Галина Леонидовна! Пожалуйста наверх! Может, хотите ванну принять?

Галина ответила, что не надо ее провожать и суетиться, она сама найдет дорогу, а если что будет нужно, то позовет.

В своей комнате она села на кровать, застеленную новым покрывалом, и задумалась. Что с ней происходит? Отчего ей все не нравится в родном доме? Все какое-то чужое.

Но ведь и правда, ни одного знакомого лица вокруг. Для чего мама поменяла весь персонал? И собаку, зачем они усыпили собаку? Неужели Буран и вправду так переживал смерть отца, что впал в бешенство? Галина не замечала ни-

какой особенной между ними дружбы. Это ее пес отличал, после Ивана конечно, но и то позабыл небось, потому что не было ее дома больше двух лет.

Галина умылась, поискала в шкафу и нашла там длинную трикотажную футболку и лосины. Чемоданы разбирать не хотелось, и так сойдет. Для дома, для семьи.

Она обошла дом и сделала вывод, что он ей не нравится. Было не то чтобы не убрано, но как-то неуютно, неустроенно. У мамы раньше все блестело, каждая вещь стояла на своем месте, горничные ходили бесшумно и не попадались лишний раз на глаза с уборкой. Здесь же на лестнице брошена была метелка, с перил свисал рабочий халат, в холле на полу были рассыпаны какие-то крошки.

«Да какая разница! – Галина тут же призвала себя к порядку. – Ведь я дома!»

Но отчего же так тяжело на сердце...

Может быть, от того, что раньше этот дом оживляло присутствие отца, все вращалось вокруг него, он был центром. А теперь... несуразный, неуютный, холодный дом.

Галина забрела на кухню. Вот там было все по-прежнему. У плиты сутилась Анфиса.

– Галиночка Леонидовна! – Она всплеснула руками и бросилась к ней. – Похудела-то как, побледнела! Одни глаза на лице остались! Кушать вам надо получше! Ну, я уж постараюсь, буду все ваше любимое готовить! Может, чаю пока с пирожками?... До ужина еще далеко, проголодались небось...

– Да я в самолете поела, – соврала Галина, есть ей совершенно не хотелось, хотя пирожки у Анфисы всегда были отменные.

– Ну вот, – Анфиса всерьез огорчилась, – готовлю-готовлю, никто не ест. Обидно даже. Елена Павловна, когда одна, тоже поклует как птичка...

– Анфиса! – прозвучал мамин гневный голос, оказывается, она стояла в дверях. – Может быть, ты все же будешь работать, а не лясы точить? К ужину все готово?

– Да, конечно. – Анфиса опустила глаза и отвернулась к плите.

– А ты что тут делаешь? – Мама повернулась к Галине.

Вот это уже новости – такой тон! Раньше мама себе никогда подобного не позволяла. Ну, с Галиной у нее этот номер не пройдет, она не прислуга. Она молча ожгла мать взглядом и вышла из кухни.

– Линка, – мать поняла, что перегнула палку, – разве можно быть с прислугой запанибрата? Ты теряешь авторитет, они же перестанут тебя уважать!

– Хоть одно знакомое лицо, – процедила Галина сквозь зубы, – как будто в чужой дом вернулась. Все вверх дном!

– Ты не представляешь, как трудно сейчас с персоналом! Приличных людей не отыскать! – вздохнула мама. – Эта новая горничная такая неумеха! И садовника не найти.

– Вот, кстати. – Галина взглянула на мать в упор: – Зачем усыпили Бурана?

– Он стал очень нервным, непослушным, на людей бросался... – Мама отвела глаза.

– На тебя? – Галина умела быть твердой, это у нее от отца. – Кого конкретно он покусал? Были жалобы?

– Ну что ты ко мне пристала! – нервно заговорила мама. – Он лаял, рычал, бесновался, чуть не сорвался с цепи, прямо кидался на Сергея Михайловича!

– Ах вот в чем дело... значит, на Сергея Михайловича...

– Что ты имеешь против него? – Теперь уже мама смотрела твердо. – Имей в виду, я очень уважаю этого человека. И не допущу, чтобы в моем доме...

– В моем тоже, – вставила Галина. – Ты не забыла, что это такой же мой дом, как и твой? Я здесь выросла, а теперь все здесь чужое... всего два месяца прошло...

– И это ты мне говоришь? – Снова в голосе мамы проявились незнакомые визгливые нотки. – Ты уедешь, а я...

– Я не уеду, – перебила ее Галина, – я приехала насовсем, больше в Швейцарию не вернусь.

– Вот как? – Мама резко остановилась, как будто налетела на невидимую преграду. – Ты так решила?

– Да, я решила вернуться.

– У тебя что – не получилось с тем молодым человеком... Митей? – нерешительно спросила мама. – Ну, возможно, вы еще помиритесь... разлука иногда очень помогает...

– Митька здесь совершенно ни при чем! – отрубил Галина, осознав, что так оно и есть.

– Но папа так хотел, чтобы ты закончила эту Высшую школу... получила хорошее образование...

– В первый раз с моего приезда ты вспомнила об отце! – фыркнула Галина и тотчас же об этом пожалела, потому что лицо у мамы некрасиво сморщилось и она закричала тем же визгливым голосом:

– Как ты смеешь? Ты думаешь, легко мне было сидеть в этом доме одной, как в гробу? Ветер воет ночами, собака лает – рехнуться можно! И никого рядом нет!

– Ну вот, я приехала, теперь ты не будешь одна...

Произнеся это, Галина тотчас поняла, что радости ее слова маме не принесли. У нее в глазах мелькнула плохо скрытая досада, потом она сказала сухо:

– Оденься поприличнее, я пригласила к ужину Сергея Михайловича. И будь с ним повежливее, хотя бы ради меня.

Галина промолчала.

Позже выяснилось, что Сергей Михайлович быть не сможет, и за ужином мама не могла скрыть своего огорчения.

Галина старалась поддерживать разговор только для того, чтобы новая горничная Татьяна ничего не заподозрила. Она и так хитренько посматривала на них, хотя узкие губы, накрашенные отвратительной морковного цвета помадой, все время раздвигала в угодливой улыбке.

После ужина Галина рано ушла к себе и заснула.

Чтобы проснуться глубокой ночью в кромешной тьме и выйти из спальни, потому что стены давили на нее и тяжело

было дышать. И вот тогда она встретила Алексея. И он показал ей тот странный диск. Ах, сейчас она уже не в силах об этом думать. Завтра, завтра, все завтра...

Перед глазами ее, как случалось часто за последние два месяца, возникло лицо отца, он смотрел отрешенно и слабо махал рукой: «Прощай, прощай и помни обо мне...»

Утром Галина проснулась поздно.

Когда она вышла к завтраку, в столовой уже никого не было. Неприятная новая горничная гремела где-то ведрами, так что Анфиса сама подала ей омлет и кофе, сказала, что мать отправилась в город за покупками.

Есть не хотелось. Галина вяло поковырялась в омлете и оставила тарелку, выпила кофе и встала из-за стола.

– Галиночка Леонидовна, что же вы ничего не съели? – всполошилась Анфиса. – Что, невкусно? Может быть, вам сырничков со сметанкой? Я мигом... сметанка свежая, с рынка... Или блинчиков с вареньем и медом... Вы раньше любили...

– Спасибо, Анфиса, – проговорила Галина, задержавшись в дверях. – Ничего не нужно. Все вкусно, просто я не голодна.

– Как же так! Вы же совсем исхудали, вам нужно питаться! Вон, от вас одна тень осталась...

Галина не дослушала ее, вышла в коридор, поднялась на верхнюю террасу. Погода исправилась, ветер стих, наступил один из тех чудесных осенних дней, когда солнце светит по-

чти как летом, только на всем лежит нежная дымка увядания.

Галине хотелось побыть одной, подумать о том, что она видела минувшей ночью. Разговор с охранником, странная и тревожная запись на диске... подозрительная тень, украдкой проскользнувшая в комнату отца... теперь, при свете дня, все это казалось ей странным и сомнительным. Ей захотелось еще раз взглянуть на ту запись, еще раз поговорить с Алексеем.

Терраса была огорожена невысокой каменной балюстрадой. Галина подошла к ней, облокотилась. Хотя море стихло, внизу серые валы прибоя неустанно бились об огромные гранитные валуны, о каменный фундамент дома. У Галины невольно закружилась голова. Кипение прибоя завораживало, манило ее.

За спиной Галины послышались негромкие шаги. Она испуганно обернулась и увидела охранника – не Алексея, а другого, того, которого она встретила здесь ночью. Видимо, его смена еще не закончилась.

Сейчас Галина вспомнила его имя – Виктор.

Он оглядел террасу, увидел Галину и хотел незаметно уйти, чтобы не мешать ей.

– Постойте, Виктор, – проговорила она, шагнув к нему. – Скажите, а Алексей тоже еще не сменился? Он здесь, в доме?

– Алексей? – Охранник заметно насторожился, как будто не ожидал такого вопроса, вообще не ожидал, что она с

ним заговорит. Как всякий профессиональный охранник, он старался не нарушать дистанцию с членами семьи, старался быть незаметным.

– Ну да, Алексей, ваш коллега... он был здесь ночью...

– Ах, Алексей... а он уволился.

– Как – уволился? – переспросила Галина. – Когда он успел? Он же только что дежурил!

– Да вот так... – Виктор развел руками. – С утра подошел к Ренату Рустамовичу и сказал, что увольняется. По семейным обстоятельствам. И тут же уехал. Мне поэтому придется сейчас за двоих работать, пока не пришлют человека на замену.

Он замолчал и поспешно ретировался – видимо, не хотел новых вопросов, не хотел ничего ей объяснять. Галина удивленно смотрела ему вслед.

Странно, ночью Алексей ни словом не обмолвился о том, что собирается увольняться. Больше того – он сказал ей, что она может рассчитывать на его помощь, может обращаться к нему... конечно, она не приняла его слова всерьез, но все же... все же нельзя такими словами бросаться!

Галина почувствовала неприятное удивление.

Он сам позвал ее, сам показал ту странную запись, поселив в ее душе тревогу и сомнение – и после этого трусливо сбежал... видно, не захотел отвечать за свои слова... Да вообще, с чего она взяла, что ему можно верить? Вот так вот поверить первому попавшемуся подозрительному типу, ко-

того толком не знаешь...

В смятении она покинула террасу, спустилась по лестнице, пошла по коридору – и оказалась возле двери той комнаты, где она ночью разговаривала с Алексеем.

И тут она поняла, что нужно делать. Если нельзя поговорить с Алексеем, чтобы удостовериться в своих подозрениях или отбросить их, то можно, по крайней мере, еще раз взглянуть на запись с видеокамеры. Еще раз увидеть ту странную тень.

Может быть, при свете дня она сможет найти этому явлению какое-то вполне разумное объяснение...

Галина подергала дверь – но она была заперта.

Впрочем, это не было неожиданностью: охранная аппаратура и записи камер должны храниться с соблюдением каких-то правил, чтобы к ним не было доступа посторонним.

Но Галина не собиралась сдаваться.

Она спустилась на первый этаж, зашла в комнату, где стояли мониторы камер наблюдения и сидел начальник охраны, отставной офицер полиции Ренат Рустамович.

Ренат покосился на нее, поздоровался. Он смотрел футбол на одном из экранов, время от времени проверяя остальные мониторы.

Галина встала в дверях и завела какой-то пустой разговор. Краем глаза она посматривала на щиток, где висели запасные ключи. Ренат отвечал ей невпопад – игра была интересная, и он не мог дождаться, пока хозяйская дочка уйдет и

перестанет ему мешать, хотя, конечно, и не мог прямо ей это сказать.

Перед воротами возник напряженный момент. Ренат привстал, боясь пропустить гол.

Галина передвинулась, встав спиной к щитку с ключами, незаметно сняла связку с гвоздя и тут же вышла.

Конечно, это было сработано топорно, Ренат очень скоро заметит пропажу ключей, поймет, что это ее работа, но, в конце концов, она не шпионка в стане врагов и не воровка, это ее дом, она может здесь делать что угодно!

Быстро поднявшись на второй этаж, Галина подошла к знакомой комнате, перебрал связку, без труда нашла нужный ключ и с первого раза открыла дверь.

В этой комнате все было точно так же, как ночью, только при свете дня не возникло того мрачного и зловещего чувства, которое охватило ее прошлый раз. Может быть, и запись камеры, которая так напугала ее ночью, сейчас окажется вполне безобидной, все получит вполне реальное объяснение...

Галина подошла к столу, подергала тот ящик, в котором Алексей спрятал диск.

Ящик, как и следовало ожидать, был заперт.

Галина перебрала все ключи из своей связки, но ни один из них не подошел.

Закусив губу, она огляделась по сторонам.

Разумеется, никто не приготовил для нее «золотой ключ-

чик», которым можно было бы открыть ящик. Зато она увидела согнутую крючком канцелярскую скрепку.

Ни на что особенно не рассчитывая, она засунула кончик скрепки в замочную скважину, стала так и этак ее поворачивать... и вдруг – о чудо! – замок щелкнул, и девушка смогла выдвинуть ящик.

Галина сама удивилась своему успеху. Объяснить его она могла только тем, что новичкам везет, да еще тем, что замок у ящика был самый незатейливый.

Так или иначе, она выдвинула ящик и торопливо перебрала его содержимое.

В ящике лежали какие-то сменные детали от охранных устройств, отпечатанные на принтере инструкции и еще какие-то бумаги. Диска здесь не было.

Галина еще и еще раз перебрала содержимое ящика.

Она прекрасно помнила, как Алексей положил сюда диск, но сейчас его не было.

На всякий случай она проверила другие ящики.

Они не были заперты, и в них тоже не было злополучного диска.

И тут в душе Галины шевельнулось нехорошее подозрение.

Может быть, Алексей решил кого-то шантажировать этой записью? Может быть, потому он и уволился так неожиданно? Уволился, взял диск и уехал, чтобы сделать на этом деньги...

Да, но тогда зачем он позвал ее ночью в эту комнату? Зачем показал ей этот диск? Если он решил заняться шантажом – для чего демонстрировать ей свою находку?

Галина стояла, глядя прямо перед собой, – и вдруг за спиной у нее раздался сухой, неприязненный голос:

– Какого черта ты здесь делаешь?

Галина обернулась.

В дверях стоял управляющий Сергей Михайлович. Его левая бровь грозно изогнулась, лицо было красным от гнева, рот некрасиво подергивался. Разглядев Галину, он поперхнулся и проговорил другим тоном, смущенным и раздосадованным:

– Это вы, Галина... Леонидовна? Извините, я принял вас за горничную... но все же... как вы сюда попали? Что вы здесь, извините, делаете?

– В чем дело? – Галина смерила его взглядом. – По-моему, это мой дом, и я могу здесь делать что хочу!

– Да, конечно... – Сергей снова потемнел лицом, выражение его лица быстро менялось. – Конечно, но это – комната охраны, она должна быть закрыта... я хочу понять – ее забыли запереть кто-то из охранников? Тогда я поставлю вопрос перед Ренатом...

– Ключи были в двери! – бросила Галина и показала Сергею украденную связку.

– Вот как? – Левая бровь управляющего снова поползла вверх. – Безобразие...

Галина его больше не слушала.

Она протиснулась в коридор, пошла прочь, прокручивая в голове только что закончившуюся сцену.

Сергей Михайлович держится в доме совершенным хозяином, кричит на прислугу, командует охранниками. Конечно, он управляющий банком, но с какой стати он чувствует себя здесь хозяином? Дом – это не банк, это их частное пространство, их с матерью...

Тут она вспомнила взгляды и жесты, которыми он обменивался с матерью, когда считал, что их никто не видит, – и настроение ее еще больше испортилось. Вот почему он так вольно себя чувствует в доме! Но никак не укладывается у нее такое в голове, ведь со смерти отца прошло всего два месяца!..

И Анфиса вчера проговорила, что Елена, мол, Павловна когда одна, то ничего не ест. Когда одна... а когда не одна, то с кем? Стало быть, этот Сергей Михайлович достаточно часто бывает в доме. И ночует. Как ни крути, а, верно, так оно и есть.

Вот почему поменяли персонал – и охранников, и горничную. Только Анфису оставили, потому что хорошую кухарку, и правда, трудно найти. Алексей этот работал еще при отце, так и то уволился.

За такими невеселыми мыслями Галина случайно зашла в столовую и услышала странные звуки, доносящиеся из соседней комнаты. Ей показалось, что там мяукает кошка.

Не может быть, мать не терпит кошек и не позволяет держать их в доме! Неужели Анфиса тайком от хозяйки принесла в дом котенка? Тогда и она здесь не задержится...

Галина толкнула дверь, заглянула в комнату...

Никакой кошки там не было. Там сидела, подперев голову кулаком, Анфиса и тихо плакала.

– Анфиса, что с тобой? – Галина шагнула к женщине, осторожно дотронулась до ее плеча.

Та вздрогнула, вскочила, испуганно уставилась на девушку. Щеки Анфисы были покрыты черными разводами туши. Она спохватилась, достала из кармана платок и принялась вытирать лицо, но только еще больше размазала тушь.

– Да что с тобой? Что случилось? В чем дело? – настойчиво повторила Галина.

– Извините, Галиночка Леонидовна. – Анфиса всхлипнула. – Я всегда плачу, если кто умер... такое уж у меня свойство... я его и знала-то недолго, а все равно плачу... я, даже когда артист какой-нибудь умирает, все равно плачу...

– Кого ты знала недолго? Кто умер? – недовольно переспросила Галина. – Говори уж толком!

– Ох, не знаю... не велели вам про это...

– Что за чушь? Кто не велел? Да говори ты толком, что случилось? О чем ты говоришь?

– Охранник умер, Алексей... такой молоденький! И работал-то у нас не так давно, а все равно, как родной стал... вот я и плачу... вы уж извините меня, Галиночка Леонидовна...

– Алексей умер? – Галина отступила на шаг, захлопала глазами. – Как умер? Ты все перепутала! Он не умер, он уволился! Вообще, как он мог умереть? Он молодой, здоровый парень!

– На машине он разбился! – Анфиса понизила голос. – Мне не велели говорить... уволился он утром, ваша правда, поехал на машине в город, а потом нам позвонили... на сорок пятом километре попал Алексей в аварию, выехал на встречу – и все, насмерть!

Анфиса не выдержала и снова зарыдала. Сквозь рыдания прорывались отдельные слова:

– Извините... Галина Леонидовна... не велели... у меня свойство такое...

– Кто тебе велел не говорить мне об этом? – спросила Галина, когда рыдания Анфисы стихли.

– Ренат... Ренат Рустамович... Начальник охраны... Нечего, говорит, тут рассусоливать да причитать, хозяевам ничего не говори, им про это знать не надо... А я вот... – Анфиса шмыгнула носом, – вы уж меня не выдавайте...

– Ладно. – Галина похлопала ее по плечу. – Успокойся, чаю выпей, что ли. Хватит рыдать...

Галина снова поднялась на террасу.

Ее словно магнитом тянуло сюда – вид раскинувшегося у ног моря, силуэт Кронштадтского собора, едва различимый на горизонте, завораживали ее.

Но сейчас она пришла сюда не для того, чтобы любоваться

пейзажем, а для того, чтобы подумать.

Почему Алексей так внезапно сорвался? Почему он уволился, не сказав ей ни слова? Что случилось этим утром?

На террасе появился знакомый охранник, в руке его была телефонная трубка.

– Галина Леонидовна, – проговорил он почтительно. – Вас просит Альберт Францевич.

Альберт Францевич Стейниц был их семейным адвокатом. Галина помнила его с самого детства. Стейниц приезжал к ним не реже раза в неделю, иногда обедал с ними, но после обеда непременно уединялся с отцом в кабинете, где они вели долгие и скучные, по мнению маленькой Гали, разговоры.

На похоронах отца Стейниц подошел к ней одним из первых, выразил обычные соболезнования и добавил вполголоса, что им непременно нужно поговорить.

«Я понимаю, сейчас вам не до того, – сказал он деликатно. – Но чуть позже, когда вы придете в себя и успокоитесь, мы обязательно должны встретиться».

Галина не придавала особого значения его словам, а когда вернулась в Швейцарию – и вовсе о них забыла.

И вот теперь он сам ей звонит...

Она кивнула охраннику, взяла у него трубку, поднесла к уху.

– Здравствуйте, Галина Леонидовна! – проговорил адвокат своим мягким, мурлыкающим голосом. – Рад слышать

вас. Рад, что вы дома. Но я звоню вам по делу. Вы не могли бы приехать ко мне? Мы непременно должны поговорить.

– Приехать? – переспросила Галина.

Она была удивлена: раньше Стейниц сам приезжал к ним, когда ему нужно было побеседовать с отцом. Конечно, одно дело ее покойный отец, и совсем другое – она...

– Да, было бы очень хорошо, если бы вы смогли приехать, – повторил он настойчиво. – И чем скорее, тем лучше.

– Ну хорошо... – протянула Галина.

В конце концов, почему бы и не приехать? У нее нет никаких особенных дел... как говорил Винни-Пух, до пятницы она совершенно свободна.

Тут она поймала внимательный взгляд охранника. Он стоял вроде бы в стороне, но она готова была поклясться, что он внимательно слушает ее разговор по телефону. Галина посмотрела на него сердито и отошла в сторону.

– Хорошо, – повторила она. – Я приеду. Продиктуйте мне адрес вашего офиса.

– Знаете, Галина Леонидовна, – отозвался он каким-то странным тоном. – У меня в офисе сейчас ремонт...

«Странный человек, – подумала Галина. – Сперва сам просит приехать, а потом отговаривается ремонтом...»

– Тогда чего вы от меня хотите? – произнесла Галина, с трудом скрывая раздражение.

– Я хотел бы встретиться с вами, так сказать, на нейтральной территории. Помните, как-то раз мы с вами и вашим от-

цом гуляли в парке? Точнее, в саду?

Галина тут же вспомнила, о чем говорит адвокат.

Когда-то давно – ей было лет двенадцать – они с отцом гуляли в саду «Олимпия» неподалеку от Технологического института. Была, как и сейчас, осень, аллеи сада покрывали золотые и красные листья. Вдруг из боковой аллеи появился Альберт Францевич.

Как понимала сейчас Галина, отцу нужно было встретиться с адвокатом вдалеке от посторонних глаз и что-то с ним приватно обсудить, вот он и условился о встрече в том парке и ее взял с собой для конспирации...

– Да, я помню, – ответила Галина. – Это было в...

– Стойте! – оборвал ее адвокат. – Помните – и хорошо. Приезжайте на то же место. Сможете быть там через три часа?

– Да, конечно!

Адвокат простился и повесил трубку.

Галина немного замешкалась – и услышала в трубке негромкий щелчок, словно еще кто-то отключился от разговора.

Впрочем, возможно, это ей только показалось.

В спальне она застала новую горничную. Чемоданы ее были раскрыты, везде валялись платья, юбки и белье.

– Ох, Галина Леонидовна! – Горничная всплеснула руками. – А я думала, что вы гуляете, вот, решила вещи пока разобрать!

Отчего ее голос кажется Галине таким неприятным? И улыбка фальшивой? Эти губы морковного цвета...

– Оставьте все, – процедила Галина, – я сама разберу. И отдам вам в стирку, что нужно.

Ей отчего-то было противно думать, как чужие руки будут копаться в ее вещах.

– Как угодно. – Горничная оскорбленно поджала морковные губы.

Галина переделалась в джинсы и неброскую курточку и спустилась в гараж, чтобы выбрать машину.

Выбирать можно было между стильным двухместным «Ягуаром» и строгим черным BMW. Она хотела было взять «Ягуар», но тут вспомнила странную интонацию адвоката и остановилась на BMW как на менее приметной машине.

Не успела она взять ключи и открыть ворота, как в гараже появился Виктор – тот охранник, который принес ей телефон.

– Галина Леонидовна, – проговорил он озабоченно. – Вы куда-то едете?

– А что? – Она с раздражением взглянула на Виктора. – Я что – под домашним арестом? Я должна отчитываться обо всех своих перемещениях? Отчитываться... перед тобой? – Она смерила его презрительным взглядом, демонстрируя всю нелепость такого предположения.

Этот охранник ей не нравился. Он не понравился ей с самого начала – нагловатый мужик, непочтительный. Еще не

понравилось ей, что с террасы она заметила, как уезжал Сергей Михайлович и как этот Виктор стоял рядом с машиной и внимательно слушал, что тот ему говорил. И головой кивал – не сомневайтесь, мол, все будет сделано. То есть управляющий ему приказывает. А этот Виктор его слушается. И вот интересно, что этот Сергей Михайлович делал тут сегодня? Зачем он вообще притащился, если матери дома нет? И ведь не спросишь... Но с охранником наглым она разберется.

– Так вы ждете моего отчета? – повторила она спокойно. – Кто это ввел такие новшества?

– Что вы, конечно нет! – Виктор чуть заметно отступил. – Просто... я могу отвезти вас куда нужно. Это будет быстрее и безопаснее.

– У вас что – здесь нет никаких дел? По-моему, вы должны охранять дом! Тем более что вашего сменщика теперь нет...

– Да, конечно, – окончательно смутился охранник. – Но Ренат Рустамович поручил мне охранять вас... вы давно не были в России, здесь очень опасное дорожное движение, и вообще...

– Передайте Ренату Рустамовичу, что я прекрасно умею водить и сама могу за себя постоять! – сказала Галина. – Я отлично помню, какое здесь движение, и... и вообще!

– Как скажете!

– Именно так!

Галина села за руль, раздраженно хлопнула дверцей. Гаражные ворота поднялись, и она выехала на дорожку.

Вскоре Галина катила по трассе «Скандинавия».

Дорога оказалась лучше, чем она думала, пробок не было, поэтому можно было держать хорошую скорость. Поглядывая в зеркало заднего вида, она увидела позади темно-синий «Фольксваген».

Другие машины появлялись и исчезали, обгоняли ее или отставали, и только этот «Фольксваген» держался позади как приклеенный. Галина прибавила скорость – но он не отстал; немного притормозила – и синяя машина тоже замедлила ход.

Справа показалась автозаправка.

Бак был полон, но Галина свернула к заправке, остановилась около магазинчика.

Синий «Фольксваген» проехал мимо и скрылся из виду.

Она решила, что стала чересчур подозрительной, и поехала дальше. Больше машина не попадалась ей на глаза.

В городе движение было куда труднее, чем на трассе, но спустя полтора часа Галина все же выехала на Московский проспект и остановилась возле сада «Олимпия».

Сад этот не такой большой, и вскоре она обошла все его дорожки. Как и в ее воспоминаниях, эти дорожки были усыпаны осенними листьями, по ним с радостным визгом носились дети и собаки, хозяйева этих собак и родители детей следили за ними со снисходительным умилением.

Адвоката нигде не было видно.

– Да что же это такое! – в сердцах проговорила девушка,

остановившись посреди аллеи. – Сам назначил здесь встречу и не явился...

Тут к ней подошла дворничиха-таджичка, которая старательно сметала с дорожки осенние листья.

– Дэвушка, – проговорила она вполголоса. – Тэбя Галя зовут?

– Ну, допустим, Галя!

– Тогда это тэбя мужчина ждет!

– Мужчина? Какой мужчина?

– Какой? Приличный мужчина! – проговорила дворничиха с почтением. – Очень приличный!

– Где он? – Галина понизила голос, сообразив, что речь идет, несомненно, об адвокате.

– Пойдем. – Дворничиха поманила ее.

Галина пошла за ней. Они миновали уже знакомые дорожки, прошли мимо павильона кафе, свернули за него. Там, среди кустов, стояла еще одна скамейка, которую Галина не заметила в первый раз. И на этой скамейке сидел Альберт Францевич Стейниц.

– Спасибо, Зульфия! – сказал адвокат и протянул дворничихе купюру. Купюра молниеносно исчезла в кармане женщины, и сама дворничиха столь же быстро исчезла за кустами.

Последний раз Галина видела Стейница на похоронах отца. С тех пор прошло всего два месяца, но ей показалось, что он заметно постарел. Всегда полный, вальяжный, пред-

ставительный, сейчас он выглядел так, как будто из него выпустили воздух.

– Здравствуйте, Альберт Францевич! – произнесла Галина, подходя к скамейке. – Вы хотели со мной поговорить?

– Да. – Он галантно привстал, показал ей на скамью рядом с собой. – Простите за все эти предосторожности...

– Да уж, – фыркнула Галина. – Кто это вас так напугал?

– Поверьте, для этого есть причины!

Галина села рядом с ним на скамью, перевела дыхание.

– Итак, о чем вы хотели поговорить?

– Вы должны это знать, – произнес адвокат, понизив голос. – Ваш отец оставил четкие указания на случай своей смерти. Четкие и подробные указания.

– Ну да, он оставил завещание, – удивленно ответила девушка. – Так делают все обеспеченные люди. Вы помните – я присутствовала на его оглашении...

В памяти всплыли те ужасные дни. Мама, бледная до синевы, все время прижимающая руку ко рту, чтобы удержать рыдания, она сама, наглотавшись успокоительных таблеток, воспринимает окружающее как во сне. Какие-то люди суетятся вокруг, все сливается в немислимый хоровод, а когда ей удастся ненадолго прийти в себя, сердце ранит страшная мысль: отца больше нет.

– Это не все! – сказал адвокат. – Помимо основного завещания, которое я тогда огласил, он оставил еще одно распоряжение. Оно помещено в отдельный конверт, который дол-

жен быть вскрыт, когда вам исполнится двадцать пять лет.

– Вот как? – Галина улыбнулась. – Папа оставил для меня какой-то сюрприз? Ну что ж, очень скоро я узнаю, какой именно: до этой знаменательной даты осталось чуть больше месяца! Нужно подождать совсем немного...

– Совершенно верно, но отнеситесь к этому серьезно. – Альберт Францевич нахмурил брови. – Боюсь, кто-то не хочет, чтобы воля вашего отца была выполнена и этот конверт попал в ваши руки.

– Да? Почему вы так думаете?

– Представьте себе, вчера ночью мой офис взломали. Все перевернули вверх дном, многие бумаги привели в негодность. Видимо, что-то очень усердно искали. К счастью, я подозревал, что такое может случиться, и предусмотрительно положил предназначенный для вас конверт в надежное банковское хранилище.

– Вот как? – Галина все еще слушала адвоката с недоверием. – А почему вы так уверены, что целью грабителей был именно этот конверт? Может быть, они искали что-то совсем другое! Возможно, они просто хотели денег, как все грабители!

– Во-первых, деньги, которые были у меня в офисе, они не тронули. Во-вторых – насколько я понимаю, этот конверт, точнее, его содержимое – самое важное, что хранилось у меня. И в-третьих... честно говоря, у меня имеются еще причины так думать, но я не хотел бы их вам озвучить. – Адво-

кат замешкался, пристально взглянул на девушку: – Не потому, что не доверяю вам, – упаси боже! – но потому, что не хочу взваливать на вас еще какие-то неприятности.

– Ну, я не знаю... – протянула Галина. – Но для чего, собственно, вы меня сюда пригласили? Только для того, чтобы рассказать о взломе вашего офиса?

Она едва не сказала ему «для того, чтобы меня напугать», но предпочла использовать более нейтральную формулировку.

– Нет, конечно! – возразил адвокат. – Я пригласил вас для того, чтобы предупредить: будьте осторожны! Будьте очень осторожны, особенно до тех пор, пока не вступит в силу приложение к завещанию вашего отца, находящееся в том самом конверте!

– Но я и так веду не слишком опасный образ жизни. – Галина пожала плечами. – Не занимаюсь экстремальными видами спорта, не прыгаю с парашютом, перехожу дорогу только на зеленый свет...

Она вспомнила ночные гонки на берегах Женевского озера и чуть заметно улыбнулась. К счастью, эти рискованные развлечения остались в прошлом.

Адвокат откинул голову и пристально взглянул на нее.

– Я кажусь вам старым паникером? – проговорил он с горечью.

– Что вы, Альберт Францевич! – Галина вспомнила, как уважал старого адвоката ее отец, и устыдилась невольно про-

мелькнувшей в ее голосе насмешки. – Что вы, дорогой! Я очень уважаю вас и очень серьезно отношусь к вашим словам!

– И правильно делаете. Поймите, что вашей жизни действительно угрожает серьезная опасность!

– Но почему? Что спрятано в том злополучном конверте, из-за чего вы так переполошились?

– Я не должен вам этого говорить раньше времени, – тяжело вздохнул адвокат. – Это – нарушение профессиональной этики. Но я чувствую, что иначе вы не примете мои слова всерьез. Дело в том, что незадолго до своей смерти ваш отец решил сделать вас единственной своей наследницей.

– Что? – Галина не поверила своим ушам. – А маме он что – ничего не оставил?

– Видимо, что-то случилось между ними... какая-то черная кошка пробежала... нет, конечно, он оставил ей вполне приличное пожизненное содержание, с тем чтобы она ни в чем не нуждалась и могла сохранить привычный образ жизни, но вам он передал банк и все основные активы. Вы должны вступить в права наследования в день, когда вам исполнится двадцать пять лет. До того дня ваша мать имеет право управлять состоянием, но после – все права переходят к вам.

Галина немного помолчала, осознавая услышанное, и вдруг до нее дошел скрытый смысл сказанного адвокатом.

– То есть... – произнесла она растерянно. – То есть вы хотите сказать, что опасность, о которой вы говорите, ис-

ходит... исходит от мамы? Я просто не верю своим ушам! Неужели вы это серьезно?

– Вы неправильно меня поняли! – Стейниц замахал руками.

– А как еще вас можно понять? Я не хочу вас больше слушать! Не хочу! – Галина порывисто вскочила и собралась уже уйти, но адвокат схватил ее за руку:

– Поймите! Вам не приходило в голову, что не только сама Елена Павловна может быть заинтересована в том, чтобы конверт не был вскрыт и собственность вашего отца не перешла к вам, но и кто-то другой? Кто-то, кто использует свое влияние на вашу мать в собственных интересах! И потом, она не могла знать о втором конверте, в том, первом, завещании о нем не было сказано ни слова!

Галина села обратно на скамью и закрыла лицо руками.

Она вспомнила все свои подозрения, возникшие после встречи в аэропорту, вспомнила, как резанул ее счастливый, цветущий вид матери, как вольно держался с матерью управляющий, и поняла, о чем говорит Альберт Францевич.

– Я поняла, что вы имеете в виду... – проговорила она после затянувшейся паузы, повернувшись к адвокату. – Вы думаете, что все это серьезно?

– Еще как серьезно! – с нажимом произнес адвокат и вдруг заторопился. – А теперь, пожалуй, нам лучше разойтись. Я не хочу, чтобы о нашей встрече кто-нибудь узнал... И... я со своей стороны попробую выяснить, кто и каким об-

разом мог узнать о конверте.

Он поднялся со скамьи, но прежде чем уйти, наклонился и проговорил вполголоса:

– Не уходите сразу после меня, подождите несколько минут. И... и берегите себя!

Галина проводила его взглядом, но потом не выдержала, встала и выглянула из-за кустов.

Она увидела, как адвокат вышел из сада, огляделся по сторонам и сел в солидную черную машину. Машина отъехала от тротуара, она двигалась в сторону центра.

Галина тоже направилась к воротам сада и тут увидела, что следом за машиной Стейница поехала еще одна машина – тот самый синий «Фольксваген», который преследовал ее на трассе. Конечно, это могла быть просто похожая машина, но она не верила в такое совпадение.

Девушка вздохнула и побрела к другому выходу из сада, где оставила свою машину. Мысли текли безрадостно.

Ошеломляющая новость, что сообщил ей адвокат, не укладывалась в голове. Собственно, она даже не очень удивилась поступку отца, он раньше не раз говорил, что именно она продолжит его дело, для того он и послал ее в Высшую финансовую школу. Мама, конечно, совершенно не разбиралась в банковском деле.

А вот интересно, подумала Галина, откуда она может знать, что Сергей Михайлович такой хороший управляющий, ведь в делах-то она совершенно не разбирается. Он ее

убедил, разумеется, он крепко взял ее в руки, и теперь она ему слепо доверяет.

Вот именно, хватит отмахиваться от очевидного, у мамы с управляющим, несомненно, роман. Галина сразу это поняла, почуяла своим обострившимся чутьем, как только увидела их в аэропорту, только верить не хотела.

Что ж, если смотреть на вещи шире, то дело житейское, мама после смерти отца была очень одинока... но почему именно с ним? Роман с подчиненным... не сама ли мама учила ее, что нельзя иметь никаких неформальных связей с людьми, которые на тебя работают? Даже дружбы близкой лучше не иметь! Предпочтительны ровные спокойные отношения. И вот теперь...

«Еще бы с шофером роман завела!» – с неожиданной злобой подумала Галина.

Глава вторая

Розенкранц и Гильденстерн

– Ун-де-труа! – повторил учитель танцев. – Выше ногу, ваше высочество! Тяните носок!

Поль поскользнулся на паркете и чуть не упал.

В это время дверь открылась, вбежала Евдокия Куракина. Лицо ее было красно, как с мороза, глаза испуганно блестели.

– Что случилось, Евдокия Николаевна? – шагнул ей навстречу главный воспитатель, Никита Фомич.

– Беда, батюшка. – Куракина что-то зашептала ему на ухо.

Никита помрачнел, взглянул на Поля и повернулся к танцору:

– Урок закончен, извольте идти к себе!

Француз, приученный не задавать лишних вопросов, поклонился, исчез, будто его и не было.

Никита подошел к Полю, взял его за руку:

– Ваше высочество, пойдете! – И потянул его к двери, не к той, через которую они пришли. Куракина шла следом, опасливо оглядываясь, как будто чего-то опасалась.

– Что случилось? – спросил Поль, едва поспевая за воспитателем.

Никита Фомич молчал, и Поль выдернул руку, топнул но-

гой:

– Извольте отвечать, когда я спрашиваю!

– Ваше высочество. – Воспитатель наклонился к нему, положил руку на плечо. – До нас дошли скверные новости. Случились некоторые события, и нам лучше... вам лучше удалиться в дальнее крыло дворца. Там будет безопаснее.

– Новости? – переспросил Поль. – Какие новости?

Никита переглянулся с Куракиной, та всхлипнула, подошла ближе и едва слышно проговорила:

– Ваш папенька... государь Петр Федорович... кажется, он скончался...

– Папенька?

Поль вспомнил ласковую улыбку отца, вспомнил, как тот качал его на колене, а позже – катал на седле своей лошади, вспомнил удивительные заводные нюрнбергские игрушки, которые дарил ему Петр Федорович, марципановые фигурки – лошадок, солдатиков, пастушков с овечками. Ему стало грустно.

– Я хочу увидеть папеньку... – проговорил он серьезно и вдруг выкрикнул визгливым истерическим голосом: – Хочу его сей же час увидеть! – И еще ножкой топнул.

– Кто это здесь развоевался? – услышался вдруг в дверях хорошо знакомый голос.

Куракина ахнула и попятилась, Никита застыл.

В комнату вошла маменька, с нею – несколько гвардейцев.

– Куда это вы собрались? – произнесла маменька строгим

ГОЛОСОМ.

– Только что урок танцев закончился, государыня, – заговорил Никита, поклонившись. – Его высочество захотел прогуляться.

– Пусть его. – Маменькин голос смягчился. – Однако что же ты, Павлуша, капризничаешь и своевольничаешь, как простолюдин? Нам с тобой, душа моя, капризы не пристали! Чего ты хотел?

– Хотел увидеть папеньку! – выпалил Поль, хотя Никита попытался его удержать.

– Вот как? – Маменька посуровела. – Вот уж в этом я тебе никак не могу помочь!

Она повернулась к одному из сопровождавших ее гвардейцев и сказала негромко, но так, что все ее услышали:

– Его семя! Ничего с ним не поделаешь!

После чего развернулась и ушла, более ничего Полю не сказав и не поцеловав его на прощание.

Домой Галина вернулась в расстроенных чувствах. Она хотела побыть одна, чтобы обдумать все то, что узнала и увидела, – но этому намерению не суждено было осуществиться.

Как хорошо было бы укрыться пледом и посидеть в шезлонге на террасе, глядя на море, этот вид всегда ее успокаивал. И отец любил там сидеть, говорил, что ему там лучше думается, вид моря очищает и проветривает голову. Так, может, и Галину посетили бы какие-нибудь здоровые мысли.

Господи, как не хватает отца!

На этот раз сердце не заняло от боли. Да, слишком много у нее проблем, не время сейчас горевать.

Едва она вошла в дом, навстречу ей выбежала сияющая Анфиса.

– Галиночка Леонидовна! – проговорила она с наигранной радостью. – А к вам гости приехали!

– Гости? – удивленно переспросила Галина. – Какие еще гости? Я никого не ждала!

– А это мы! – раздался в холле громкий, жизнерадостный голос, и тут же Галина увидела своих школьных подруг – Розу Айниуллину и Ангелину Широкову.

Крупная шумная Геля как всегда выступала впереди, тихая хрупкая Роза держалась в тени, как прогулочная яхта в кильватере океанского лайнера.

– Девочки... – Галя растерянно встала на месте. – Ну надо же...

– Что так смотришь? – громко рассмеялась Ангелина. – Как будто привидение увидела. Не узнала школьных подруг?

В школе три девушки действительно близко дружили, вместе готовили уроки, вместе проводили праздники, но после окончания их дороги разошлись. Геля уехала в Москву и поступила в Институт международных отношений, Розу татарская семья рано выдала замуж за обеспеченного бизнесмена-единоверца, а Галина тогда ездила с отцом в Штаты, так что даже на свадьбе не была. Впрочем, Геля писала, что

не больно-то и приглашали. Она-то, конечно, прорвалась, но все там было по старинке, на нее родственники косились.

Галина закончила университет, потом уехала учиться в Швейцарию. Геля наезжала из Москвы нечасто, Роза родила ребенка и прочно осела дома. Уже года два подруги только переписывались по электронной почте и перезванивались, и то не слишком часто.

– А я приехала из Москвы и решила: что, в конце концов? Нужно увидеться, посидеть... Узнала, что ты тут, вытащила Розку... – Геля Широкова гудела, как огромный шмель.

Галина вспомнила, что и в школе подруга немного утомляла ее своей активностью, своим громким голосом и уверенным, нахрапистым поведением.

Она поглядела более внимательно.

Внешне Гелька изменилась – стала какая-то слишком развязная, и взгляд такой... мутноватый, что ли... Раньше тоже была шумная, но открытая – что на уме, то и на языке. Что ж, два года прошло, люди меняются. А может, ей только кажется.

Вот Розка выглядит ничего себе. Только одежда, как всегда, ей не подходит. Она всегда была худенькой, незаметной, а родители заставляли ее носить вещи дорогие, но тяжело-весные. И драгоценностей повешала на себя – муж, наверно, велит, чтобы все видели, какой он богатый. Ну, у них так принято.

Тем не менее она обрадовалась появлению подруг: можно

было поболтать, вспомнить старые времена, а самое главное – можно было какое-то время не думать о своих невеселых проблемах.

– Пойдемте ко мне... – начала было Галина, но Широкова перебила ее:

– Нет, ты тут и так сидишь взаперти, как заколдованная принцесса в башне. Мы не для того приехали, чтобы разделить твое затворничество! Я, конечно, понимаю, у тебя было тяжелое переживание, можно сказать стресс, но нельзя надолго застревать в негативе! Нужно жить будущим, идти вперед! Мы тебя вытащим на люди!

– Да меня не тянет на люди... – попыталась возразить Галина, но Широкова, как и прежде, не принимала никаких возражений, она все решала за всех и уверенно проводила свои планы в жизнь.

– Все, немедленно отставить разговоры! – прикрикнула она. – Быстро переодевайся, и поедем! Тут совсем недалеко, на Приморском шоссе открылся новый ресторан, вполне приличный. Посидим там, поболтаем, развлечемся...

Галина знала, что спорить с Ангелиной бесполезно, и отправилась переодеваться.

Широкова и тут взяла все в свои руки, притащилась за ней в спальню, всунулась в шкаф.

– Что ты надеваешь? – воскликнула она, всплеснув руками. – Такое впечатление, что ты не из Швейцарии приехала, а из какой-нибудь захолустной мусульманской страны!

Ты бы еще хиджаб надела! Извини, Розка, я тебя не хотела обидеть! Найди что-нибудь поярче, посветлее, более открытое...

– Да это и так достаточно открытое платье... куда уж больше, мне же не в шоу выступать...

– Нет, нет и нет! Надень вот это... и макияж – ну что это такое? Ты ведь не на собственные похороны собралась! Дайка, я сама подправлю... вот так – другое дело!

Через полчаса, проходя через холл, Галина увидела свое отражение в зеркале – и не узнала себя. Короткое бирюзовое платье... откуда оно взялось? И этот кричащий макияж... Господи, да Гелька ее своей помадой намазала! А ведь они еще в школе подсмеивались над ее пристрастием ко всему яркому!

– Отлично! – одобрила Геля, появившись рядом. – То что надо! Все парни будут твои! Кроме тех, которые будут мои, разумеется... – Геля громко захохотала.

– Да не нужны мне никакие парни... – вяло сопротивлялась Галина. – И так обойдемся...

– Не говори ерунды! Как это без мужиков? – Ангелина удивленно развела руки.

И Гале вдруг вся сцена, весь их разговор показался фальшивым. Ну вот как будто актеры в театре произносят привычные реплики, а сами думают о чем-то своем.

Галина позвала было шофера, но Широкова только возмущенно фыркнула:

– Что, не можешь из дому выйти без надсмотрщика? Мне нянька не нужна! Будет только на нервы действовать! Я хочу почувствовать себя свободной! Поедем на моей машине!

– На твоей? – Галина с сомнением взглянула на подругу. – Но ты же явно собираешься выпить!

– Само собой!

– И как же в таком случае мы поедем обратно?

– Розка поведет! Ей все равно по их мусульманским законам пить не положено!

Роза кивнула и улыбнулась – что, мол, поделаешь, знаешь же, что с Гелькой спорить себе дороже обойдется, это же не человек, а тайфун по имени Ангелина.

Еще через полчаса подруги вышли из машины на парковке возле нового ресторана.

Здание, в котором он располагался, представляло собой три стеклянных куба, сдвинутые под разными углами – как будто какой-то великан, играя в кости, бросил на прибрежные дюны три огромных стеклянных кубика да и забыл их там.

Геля уверенно направилась к стойке бара. Видно было, что она в этом заведении не первый раз.

– Стас, мне как всегда, – сказала она бармену. – А моим подругам... ну, для начала – «Поцелуй Ди Каприо»!

– Геля, ты же знаешь, мне нельзя! – попыталась возражать Роза, но Широкова мгновенно пресекла бунт на корабле:

– Во-первых, это самый легкий коктейль из тех, что здесь

готовят. Почти безалкогольный. Во-вторых, мы не в Иране и не в Саудовской Аравии. И, в-третьих, твой муж и остальные мусульманские родственники никогда об этом не узнают.

– Да, но ты же хотела, чтобы я потом вела машину!

– И поведешь! Что такого? Я же тебе сказала, это – самый легкий коктейль! И вообще – ты что, забыла, что спорить со мной бесполезно? Все равно будет по-моему!

Роза вздохнула и сдалась.

Бармен, непринужденно болтая с клиентками, смешал им коктейли. Галина пригубила свой. Коктейль и правда оказался ей легким и очень вкусным, настроение сразу улучшилось, проблемы отодвинулись на задний план. В самом деле, что она все киснет? Можно с подругами немного развлечься.

– Молодцы, девчонки, что приехали! – проговорила Галя, улыбаясь. – И молодцы, что вытащили меня из дома!

– То-то же! – подхватила Геля, глаза которой ярко блестели от выпитого. – Ты меня, главное, всегда слушайся, я плохого не посоветую! А то и правда – сидишь в этом своем заколдованном замке, как принцесса Несмеяна, скоро вообще разговаривать разучишься! Чего ты там ждешь – принца?

– Да я приехала только два дня назад, не успела соскучиться... – слабо отбивалась Галина.

Она хотела спросить, откуда же подруги узнали, что она вернулась из Швейцарии, она со смерти отца никому не писала и не звонила, но в это время в ресторан вошла небольшая группа солидных, хорошо одетых мужчин.

– О, вот и мальчишки! – оживилась Широкова, но тут же поскучнела. – Ох, нет, староваты мальчишки, и слишком деловые... нам бы кого помоложе и повеселее...

Вдруг Роза побледнела и схватила подругу за руку. Глаза ее испуганно округлились.

– Что с тобой? – удивленно спросила Геля.

– Там Раиль... он со своими коллегами...

– Что, муж? – Геля привстала, разглядывая мужчин. – Ой, правда! Ну ничего себе влетели!

– Что делать? – растерянно бормотала Роза.

– Не паникуй, сейчас мы тебя выведем! – Широкова окликнула бармена: – Стасик, будь человеком, помоги! Нашей подруге нужно незаметно выйти...

– Сделаем! – Бармен оглянулся и хотел еще что-то сказать, но не успел.

К стойке подошел мрачный мужчина лет тридцати пяти, остановился перед Розой и холодно проговорил:

– Кого я вижу! Роза, что ты здесь делаешь?

Роза побледнела еще больше, потом ее лицо покрылось красными пятнами.

– Раиль... – пробормотала она. – Мы здесь с подругами... вот Геля приехала из Москвы, мы и решили встретиться...

– Кажется, мы с тобой об этом говорили! И не один раз! Говорили о том, как должна вести себя порядочная женщина! – Голос Раиля был негромким, но холодным и жестким, как металл на морозе. Казалось, об него можно порезаться.

Тут он увидел на стойке перед Розой полупустой бокал, и его лицо перекошилось:

– Так ты еще и пила?!

– Совсем немного, и это очень легкий коктейль! Почти безалкогольный! – попыталась Широкова вступить за подругу, но этим только подлила масла в огонь.

Раиль сверкнул на нее черными глазами, схватил жену за локоть и процедил:

– Мы немедленно едем домой!

Роза вжала голову в плечи и засеменила к выходу.

– Ну и ну! – протянула Геля, проводив ее взглядом. – Надо же, какой он у нее тиран! Настоящий домострой! То есть не домострой, а этот... как его... шариат! Это в двадцать первом веке такое!

Она вздохнула и снова улыбнулась:

– Ну ладно, давай выпьем за то, чтобы с нами никто и никогда так не обращался! Стасик! – воззвала она к бармену. – Мне повтори, и моей подруге то же самое!

Бармен поставил перед ними два бокала с золотистой жидкостью, похожей на жидкий янтарь. Галина попробовала. Сначала этот коктейль показался ей тоже довольно легким, с необычным, чуть приторным привкусом каких-то тропических плодов, но потом перед глазами все поплыло.

– Что... что это такое? – спросила она, отдышавшись.

– «Девять-одиннадцать», – довольным голосом ответила Геля. – Убойный коктейль, правда?

– Странное какое название... – протянула Галина, чувствуя, как мысли путаются у нее в голове.

– Это в честь знаменитого теракта, – пояснила Геля. – Одиннадцатое сентября... слушай, тебе нужно чаще выбираться на люди! А то сидишь у себя в этом замке, как... как сыч. То есть как сычиха.

– Да я только недавно приехала!

– Все равно. – Геля хотела хлопнуть рукой по стойке, но промахнулась. – Черт, что это со мной? Сидишь в своем замке одна, как перст... конечно, там с тобой этот симпатичный мужик, Сергей...

– Это ты об управляющем? – удивленно спросила Галина. – Ты разве с ним знакома? Вот интересно, ты ведь в Москве обретаешься, а все кабаки здешние знаешь, да еще и с нашим управляющим знакома? Когда ты все успеваешь?

– Знакома, только тсс! – Ангелина поднесла палец к губам, хитро огляделась по сторонам. – Он не велел об этом говорить... Это он пока только управляющий, а потом...

– Что – потом?

– А ничего... – Геля поморщилась, прикоснулась пальцами к вискам. – Господи, что это со мной... что это я разболталась... до чего же крепкий этот коктейль... пьется легко, а потом...

– Слушай, тебе, пожалуй, хватит пить! – Галина неодобрительно посмотрела на подругу.

– Я лучше знаю, когда хватит! – Геля оглядела стойку,

увидела недопитый Галин бокал. – А ты что не пьешь?

– Не хочется больше.

– Не хочешь со мной пить? – Широкова исподлобья взглянула на Галину. – Ну да, как же, ведь я теперь тебе не ровня! Ты у нас – богатая наследница, наследная принцесса, а я никто! Мой идиот-папашка разорился, так я теперь не твоего круга! Не твоего, так сказать, поля ягода! – С этими словами она цапнула вишенку с блюда, что стояло у Стаса чуть в стороне.

– Да что ты несешь! – перебила ее Галина. – Я только потому на тебя не обижаюсь, что ты пьяна!

– Ничего я не пьяна! – Геля ударила кулаком по стойке. – Стасик, мне еще один бокал!

– А тебе не хватит? – Бармен недовольно посмотрел на Гелю. – Пошла бы ты лучше освежилась!

– Ты мной еще будешь командовать! – зашипела Геля. – Твое дело – наливать!

– Мне скандал не нужен! – отрезал бармен. – Ты же знаешь, у нас приличное заведение!

– Ах, не хочешь наливать? И черт с тобой! – Широкова схватила недопитый бокал Гали и выпила его одним глотком. Глаза ее помутились, она едва не свалилась с табурета, потом с трудом взяла себя в руки и проговорила капризным голосом:

– Ох, и правда, мне что-то нехорошо... что это со мной... надо бы освежиться...

Галина тяжело вздохнула, подхватила подругу под руку, помогла ей встать с табурета, довела до дамской комнаты. Там она поплескала в лицо Геле холодной водой, вытерла бумажным полотенцем. Макияж размазался, Галина кое-как его подправила, думая, что она вообще тут делает? Развлеклась, называется, развеялась! Вот уж отличное развлечение – с пьяной Гелькой возиться! С чего это она напилась? Раньше за ней такого не водилось...

Широкова встряхнула головой, глаза ее приобрели осмысленное выражение. Она простонала:

– Господи, зачем я столько выпила... мне же еще нужно отвезти тебя домой...

– Да ты что – с ума сошла? – уставилась на нее Галина. – Неужели ты думаешь, что я позволю тебе в таком состоянии сесть за руль? Я не самоубийца!

– Я обещала... я обещала привезти тебя обратно...

– Да мы такси вызовем... – отмахнулась Галина и тут спохватилась: – Кому это ты обещала?

– Ему... – Широкова снова поднесла палец к губам. – Только тсс! Никому нельзя говорить!

– Что еще за тайны мадридского двора! – фыркнула Галина. – Все, не хочу больше тебя слушать! Ничего умного ты не скажешь! Вызываю такси, и едем домой!

– погоди... – закапризничала Геля. – Нельзя на такси! Нужно на моей машине! Ее нельзя здесь оставлять!

– Что это вдруг?

– Нельзя! – Глаза Гели округлились. – Он не велел! Он сказал, ни в коем случае...

– Да что за чушь! – раздраженно выпалила Галина. – Что ты несешь? Не хочу тебя больше слушать! Ну ладно, во всяком случае, пора отсюда сваливать!

– У меня там сумка осталась! – протянула Геля.

– Заберем твою сумку и поедем!

Галина, не слушая больше возражения подруги, снова подхватила ее под руку и повела обратно к бару. Но Широкова не взяла свою сумку, а снова взгромоздилась на табурет, после чего ткнулась в стойку лицом и заснула.

– Черт, только этого мне не хватало! Теперь возись с ней! – пробормотала Галина и завертела головой.

По другую сторону стойки тут же появился Стасик. На лице его было искреннее сочувствие.

– Отлично повеселились! – пробормотала Галина. – Пообщались с подругами! Одну муж со скандалом увез домой, а вторая нализалась, как свинья. Что мне теперь с ней делать?

– Ничего, – проговорил бармен. – Я совсем скоро сменяюсь. Отвезу ее домой.

– Домой? – переспросила Галина. – К ней домой?

– К ней, к ней! – Бармен прямо взглянул в глаза Галине. – Я знаю, куда ехать! Был я уже у нее!

– Ну Геля! Ну Широкова! – невольно восхитилась Галина. – Только что приехала из Москвы – и уже все успела!

– Не переживай, – заверил ее Стасик. – Довезу ее в луч-

шем виде! Все с ней будет в порядке!

– Я надеюсь. – Галина строго взглянула на него. – Только вот еще: она очень хотела ехать на своей машине. Не знаю почему, не хотела оставлять ее здесь.

– Да нет проблем. – Бармен пожал плечами. – Мне еще и лучше... бензин не нужно расходовать...

Он отошел к другому концу стойки, чтобы обслужить двух подвыпивших финнов.

Галина предалась невеселым раздумьям.

Вечер с подругами явно не удался. Розу увез муж, Геля напилась и болтала какую-то ерунду. Вот интересно – она несколько раз кого-то упоминала, кажется управляющего Сергея Михайловича. Но откуда она его вообще знает? Где они могли познакомиться?

Галина взглянула на подругу. Проще всего было спросить это у нее, но Геля спала как младенец, уткнувшись лицом в барную стойку, и время от времени что-то сонно бормотала.

Нет, сейчас от нее ничего не добьешься...

Стасик закончил работать, переделся и подошел к ним.

– Ну что, поехали...

Вдвоем они подхватили Гелю под руки и повели на улицу. Широкова что-то сонно бормотала и послушно переступала ногами, как большая кукла-марионетка.

Галина нашла в ее сумочке ключи от машины, открыла дверь, помогла Стасику усадить Ангелину на пассажирское сиденье.

– Там-то ты с ней справишься? – спросила его напоследок. – Сумеешь довести до квартиры?

– Обижаешь! – усмехнулся парень. – Я ведь все-таки бармен, обращаться с пьяными умею, что с мужчинами, что с женщинами! Не волнуйся, все будет хорошо!

– Ну, спасибо тебе! И извини, что так вышло!

– Да не извиняйся, ты тут ни при чем!

Галина отвернулась и пошла обратно к ресторану, чтобы оттуда вызвать такси.

Она подошла к крыльцу и открыла стеклянную дверь, как вдруг в этой двери отразилась ослепительная вспышка.

Галина удивленно остановилась – и тут у нее за спиной оглушительно прогрехотало.

На какое-то мгновение она оглохла. Затем пришла в себя, обернулась – и увидела на ресторанной стоянке пылающую, искореженную грудой металла.

Какое-то время Галина ничего не понимала, она стояла у дверей ресторана, оглушенная, оцепеневшая, растерянная, пытаясь осознать, что только что произошло. А потом до нее дошел очевидный факт: минуту назад эта пылающая грудка была автомобилем, машиной.

Машиной Гели Широковой.

И там, внутри этой пылающей груды, внутри этого огненного ада, была сама Геля и бармен Стасик.

А полторы минуты назад сама Галина стояла рядом с этой машиной, прощаясь со Стасиком. И он заверял ее, что мож-

но не волноваться, что все будет хорошо...

Она стояла, неподвижная, как муха в янтаре. Все внешние звуки, все ощущения медленно доходили до нее, как сквозь толстое стекло или толстый слой воды.

Потом это стекло расколосось, Галина преодолела оцепенение, бросилась к горящей машине, но на полпути осознала, что ничего уже нельзя сделать, ничего нельзя исправить, ничем нельзя помочь, что там уже нет никого, никого живого.

Вокруг нее появились другие люди, одни кричали, махали руками, другие звонили по телефону, о чем-то ее спрашивали.

Наконец к ресторану с завыванием сирены подъехала сверкающая пожарная машина, огонь залили. Чуть позже появилась машина «Скорой помощи», затем – полиция.

Галину снова и снова расспрашивали – кто она такая, что видела, что знает.

Особенно настойчивым был высокий, хмурый человек в длинном пальто.

Галина назвала себя, назвала Гелю, но говорила с трудом, медленно и неразборчиво. К ней подошел врач из «Скорой», послушал пульс, заглянул в зрачки, что-то сказал полицейским.

Наконец ее отпустили, вызвали для нее такси.

Она села в подъехавшую машину, откинулась на сиденье, закрыла глаза. И тут же перед ее глазами встала эта ужасная

картина – пылающая грудa развороченного металла...

Такси остановилось у дома.

Навстречу с крыльца сбежала Анфиса, подлетела, суетливая и озабоченная:

– Что с вами, Галиночка Леонидовна? Что случилось? На вас буквально лица нет! И платье все запачкано, и пахнет дымом и еще будто шашлыками...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.